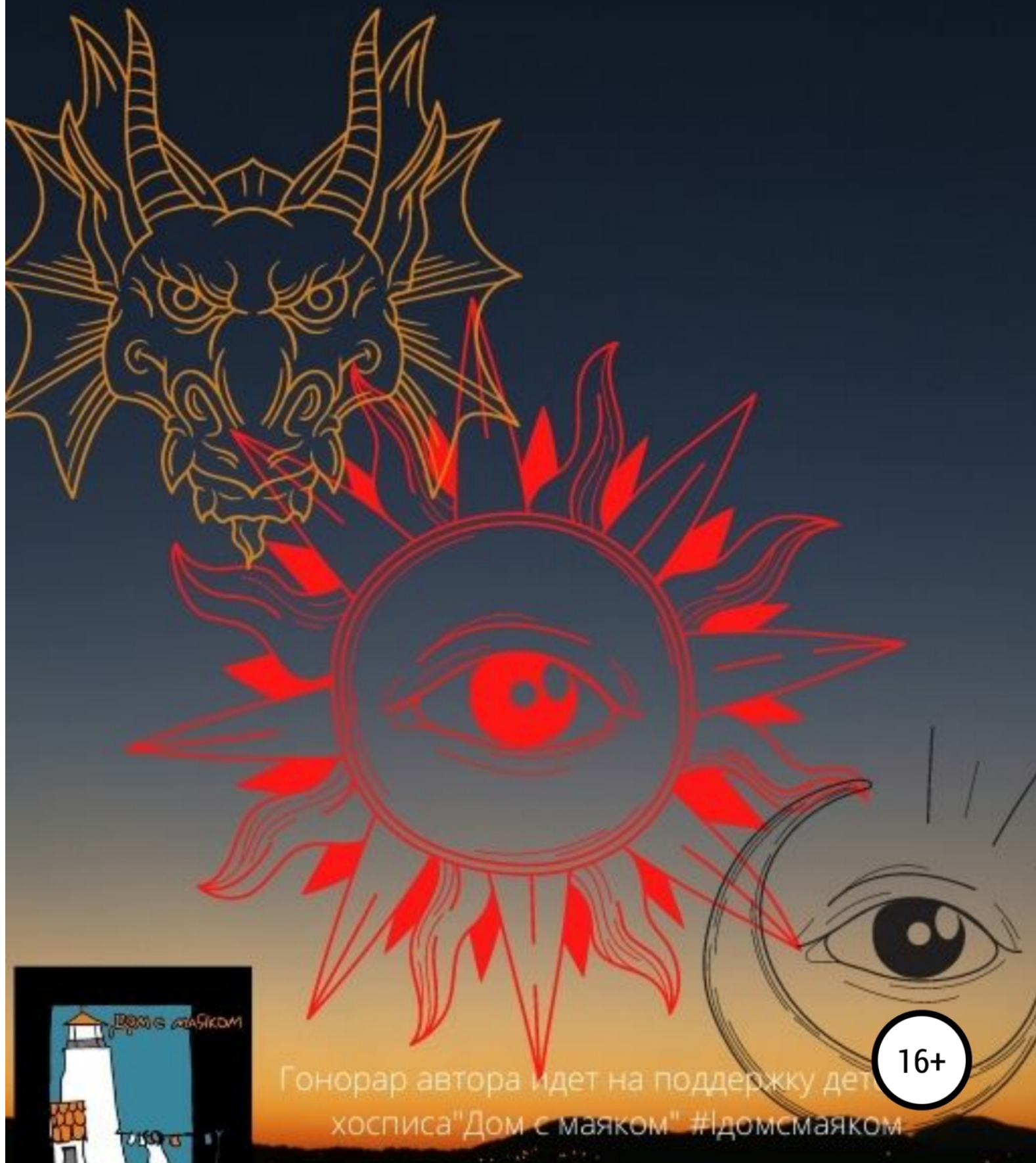

Роман проекта "Ник Перумов. Миры"

Мила Коротич

Терракотовые сестры

Гонорар автора идет на поддержку детского хосписа "Дом с маяком" #домсмаяком

16+

Мила Коротич
Терракотовые сестры

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Коротич М.

Терракотовые сестры / М. Коротич — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Женщина держит половину неба, приходится. А трем сводным сестрам придется удерживать границы трех соединённых миров от проникновения в них вселенского зла Упорядоченного и разбираться с семейными традициями и проклятиями. Ничего личного, только зов крови, или всё-таки свобода выбора и верность семье? Роман из проекта "Ник Перумов. Миры".

Содержание

Мириам	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	24
Глава пятая	28
Часть вторая	36
Кали	36
Глава первая	36
Глава вторая	38
Глава третья	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мила Коротич

Терракотовые сестры

Часть первая

Мириам

Глава первая

...Никто из детей не отзывался. Лассия больше не чувствовала их, ни одного. Все, все были мертвы, ужас и боль их предсмертных мгновений разрывали сердце Девы Лесов, были и ее ужасом, ее болью.

Дубовая роща, родина и детище Лассии, серо-черным призраком отражалась в роднике когда-то зеленой поляны. Только он и оставался живым в этом выжженном войною месте: тонкий ручей стекал в ложбину между оплавившимися валунами. Стекал тихо, как слезы на щеках Девы, и исчезал где-то в глубине породившей его земли. Из земли в землю. Из праха в прах.

Лассия же, когда роняла слезы в источник, видела не обгорелые стволы, а зеленую дубраву, ту, что взрастила: из желудя, из семечка, каждого в любви. Вот они малыши, слабые, почти прозрачные, робкие и любопытные, и она гладит их руками. Они льнут к ее теплым маленьким ладошкам и растут на глазах... Вот дубки уже ростом с нее, а травяная зелень сочным ковром стелется под ноги... А вот хозяйка уже не может обнять своих чад, так могучи их стволы. Теперь они склоняются к ней, чтоб прикоснуться к зелёным материнским косам и прошептать что-то нежное...

Но снова слеза упала в источник, и вот уже пошла рябь: чернеющее небо, всполохи магического огня, зарево. Огненные шары и россыпь колючих искр, светящиеся древним волшебством мечи, дрожь мироздания от заклинаний чужих магов и смерть. Смерть ее зеленых детей, созданных для красоты и покоя, жизни и радости, неповинных ни в чем, стоящих в стороне от игрищ богов и магов, но просто оказавшихся частью этого мира, просто встретивших и разделивших судьбу сотен, тысяч, миллионов когда-то живых и мирных.

Мир Молодых Богов повержен, и даже всеблагая Ялини не защитила. Да и кто же думает в пылу сражений о том, что будет здесь после?!... А когда проиграл, нет смысла жалеть о погибших, их не вернешь слезами. Не бывает войны без жертв, а уж без разрушений – тем паче. Горе побежденным. Несите его с честью. Терпите. Вы заслужили. Заслужили?

Лассия уже не могла плакать, мягкость сердца обернулась гневом. И ее дети тоже заслужили? Они – и все кто погиб незамеченными – люди, эльфы, половинчики, травы и немые твари, звезды и воды, – кто жаждал защиты и уповал на установленный миропорядок, кто доверил себя великим богам и их свите веря, что преданность и надежда лучшая броня для простодушных? Они сгорели как осенний лист над костром. И семь богов не защитили их. Даже не заметили, что не защитили. Боги, они далеко!..

– И я вас тоже не смогла спасти, – тонкие нежные губы роняли слова как слезы. С ними Лассия выплакала и свою кротость. – А что это за властители, если не заботятся о вверенном? Тираны! И я была среди вас?! Значит, я тоже как они. Но не народ же для владыки, а владыка для народа! Так! И всё – справедливо, а значит, и я пойду за вам, мои дети. Я ждала, что нас защитят, а надо было... – изящные руки Лассии сжали посеревший жезл с навершием в виде некогда раскидистой кроны дерева. Сейчас оно было похоже на хрупкий скелет заморского коралла. – Но если бы я могла, я... Добрая Ялини, ты покинула этот мир, бросив нас умирать, почему же я живу до сих пор?! Что хочет от меня Творец? Я готова искупить или примите мою душу! – жезл пеплом осыпался на гладь родника. И впервые Дева Лесов увидела себя. Такой, какой она стала после войны.

Невысокая, очень стройная, но возраст ее уже нельзя было определить на вид. Просторный когда-то изумрудно-зеленый плащ, стянутый на талии узким поясом из зеленовато-синих самоцветов, стал теперь серо-желтым. А камни пояса теперь не играли каплями росы, а мерцали мертвым металлическим светом. Не осталось зелени и в длинных волосах Лассии: толстые косы стали пепельно-серыми. Только яркая зелень огромных глаз как два последних листка остались от прежней Девы Лесов.

– Я готова идти, Великие братья, – прошептала девушка, – я готова идти за моей госпожой и моими детьми... Хранительница, не сохранившая своих...

Золотые глаза отразились в источнике за спиной Лассии. Четыре зрачка. Рябь пошла по воде. Дева упала на колени, не оборачиваясь. Но сильные руки подняли ее и поставили на ноги. Человек надвинул на лицо капюшон бурого плаща, но сияние глаз нельзя было спрятать.

– Ты достойная дочь своей госпожи и зеленого мира. – Лассия молчала. Что отвечать всезнающему? Лишь тонкие пальцы дрожат: – А она получила второй шанс! – Орлангур уже знает, что бывает от таких слов. Да. Вот и сейчас: живой лианой седые косы сдвинулись на спину, зеленые листья глаз засияли, чуть разжались сомкнутые в смертной решительности губы. Надежда! Но еще робкая.

– Но чего в тебе больше, Лассия, Бывшая Дева Бывших Лесов: отчаянья, горя, страха, злости, покорности?

– Желания справиться, ради памяти павших и любви к живым, – вскинула глаза Дева. – Быть пеплом, удобившим землю после лесного пожара, стать опавшей листвою, укрывающей от морозов, помочь взойти новой зелени. Спасти, без слова «если».

Четыре зрачка сверкали ночными звездами. Великому Дракону не нужно заглядывать в глаза, чтоб увидеть, что на душе. Но он сделал шаг к юной женщине и вот ей уже не отвести взгляд от желтоглазой вечности под бедным плащом.

– Знаешь ли ты, чего просишь, Дева Лесов? Войди в источник, что течет у твоих ног. Сможешь ли войти два раза в те же воды? Так и судьба одной сущности единична в мире Упорядоченного. Менять судьбу – менять себя – менять мир. Так далеко ты готова зайти?

– Испытай, Великий Орлангур!

Особый вздох прошел по сгоревшей дубраве, всколыхнув полы плащей: Демогоргон тоже был здесь.

– Будет, так как ты просишь, но не так как предполагаешь, – Орлангур произнес эти слова как приговор. И снова легкий вихрь обдал Деву, подтолкнув к оплавленному берегу умирающего источника.

И в помутневшей глади родника вновь изменилось отражение Лассии. А за ней, отраженной, исчезал сгоревший лес и усталое небо Хьерварда. Лассия падала в воду источника, кто-то крепко держал ее за руку, но неудержимо тянул ко дну, и горько-соленой оказалась вода ее родного сладкого ручья. Зато Дева успела увидеть, как черные скелеты рощи растаяли в золоте. Золотой дракон обнял их на прощанье. Дальше соль разъедала глаза...

– «Горькая» отныне имя тебе. Мириам, – звуки вытолкнули девушку на незнакомый берег. Светило иное солнце.

Бледное, оно обжигало даже через мокрую одежду, доставало кожу сквозь водяную толщу. И под его лучами выгорал плащ Девы, выгорали ее косы. Цвет словно смывался, уходил вниз, в воду, прячась от белого светила в синеве воды. И вода была иная, плотная, обхватывающая как тугий корсет, не желающая отпускать тело женщины. Стоя по грудь в воде, Мириам чувствовала, как тянет ее на дно, и как выталкивает вверх одновременно. Нет, не разрыв, а сила возможности. Никогда она еще не ощущала так физически возможность. От ее воли, даже не от движения, зависело где она окажется – на дне или на берегу, а может быть так и будет колыхаться в толще воды, как водоросль или медуза. Только сейчас Дева заметила, что ни водорослей, ни медуз, никакой другой живности в воде не было. Она позвала своим привычным мате-

ринским зовом, привычным жестом хотела сотворить заклинание поиска, но тело оказалось не таким послушным в плотной соленой воде. Движениям не хватило скорости, Мириам почувствовала, как отрывки сплетенной ею магии падают на дно, так и не ожив. И на зов хранителя тоже никто не отозвался. «Я теперь Дева озера? Но тут же никого нет. Кого охранять? О ком заботиться?» Тишина была ответом.

Мириам сделала шаг назад, в глубину, поджала колени, закрыла глаза и мысленно представила, как солнечные лучи пробиваются к ней огненными стрелами через толщу воды. И сейчас же соленая влага залила ее по самую макушку, а холодное дно водоема бросилось ей под ноги. Мириам открыла глаза: солнечные лучи едва пробивались к ней, далеко вверх футах в двадцати сиял сине-зеленый жидкий купол. Но недостатка воздуха Дева не испытывала. Она стояла на морском дне, словно на берегу, а когда попробовала сделать шаг, сделала его легко, лишь с небольшим сопротивлением, словно путаясь в густой траве своей любимой рощи. «Я теперь дева озера?» – снова спросила она саму себя, надеясь услышать ответ Великого Дракона. Но тут воспоминание о погибшей дубраве, о том, как Лассия ступала по ковру из трав, ярко вспыхнула в сознании и ревнивая глубина вытолкнула вверх изменщицу-деву.

Вынырнув из соленой воды, Мириам-Лассия направилась к берегу. Он тоже разительно отличался от привычных и любимых ею лесов. Большие каменные валуны возвышались над водой. Нигде не было ни травинки, ни куста зелени, зато словно мхом облеплены прибрежные скалы крупными серыми шубами из кристаллов соли не меньше чем на три фута над водой. Под нещадно палившим чужим солнцем соль тускло посверкивала. И место было бы унылым, как наказание, если бы не синева воды. Глубокий бирюзовый, переходящий в ультрамариновый цвет радовал глаз. Блики света играли на мелкой ряби поверхности, а напоенный солью воздух не оставлял сомнений... «Это море! – поняла Мириам. – Но какое-то оно неживое...»

Выбираясь на сушу, дева чувствовала, что соленая вода высыхая, покрывает одежду, кожу, волосы тонкой корочкой мелких блестящих крупинок, стягивает, вызывает сильнейшее желание отряхнуться, расчесать в кровь зудящее место. Она ясно видела свои белеющие ресницы, ставшие к тому же еще и тяжелыми, а волосы – жесткими, как пеньковая веревка. Еще не дойдя до прибрежных камней, Мириам уже жаждала скинуть с себя ставший жестким плащ. А соляная корка на лице, казалось, вот-вот начнет кусками отваливаться. Дева зачерпнула ладонью воды и плеснула себе на лицо, чтоб на время облегчить зуд, но через мгновение ей было уже не до этого...

Словно взорвалось что-то в небе, разорвав ткань мироздания: солнце и луна засияли одновременно, но каждая на своих небесах. Облака понеслись беззвучно в лихой безумной гонке, меняя цвет от белых к чернильным через пурпурный. Затем треснули и сами небеса, изогнувшись рваными складками, то голубыми, то бархатно-черными, испещренными точками звезд. И словно кто-то гигантской ложкой замешивал варево у горизонта, стягивая туда к дальнему краю потерявшие порядок небесные своды.

Поднялся ветер и бирюзовые волны, став фиолетовыми, взъярились и накрывали Мириам с головой. Они тоже тянулись туда, к горизонту, где завязывалось в узел пространство. Дева чувствовала, что тянет и ее, словно невидимые нити из каждой клеточки ее тела вытягивал магический узел. Она не сомневалась, что магический. Ей, пережившей гибель богов Хьёрварда, вид полыхающих небес был знаком не понаслышке. Но тут сила словно уходила из всего, что было в мире, притягиваемая котлом за горизонтом. Адская боль пронзала тело бывшей Лассии, всё еще стоявшей по пояс в воде. Она попыталась защититься заклятием отстранения, но словно увидела, как творимая ей волшба паром отлетает и уносится прочь на запад к уже почерневшему водовороту небес. Боль усилилась. Лассия почти потеряла сознание, ей стало трудно дышать, ноги подкосились и дева рухнула в теплую воду. Та приняла тело ласково, и боль моментально прошла.

Обновленная, она снова попыталась встать, но тут сильнейший толчок, дрожь земной тверди помешали ей. Вода смягчила удар, накрыв волной как одеялом, обняв и удержав. Но Лассия-Мириам видела, как рушились прибрежные скалы, как опрокидывались валуны, как вздымалась морская пучина, словно живот роженицы в схватках. Сомнений снова не было: и здесь, на новой родине бывшей хранительницы шла магическая битва.

Откуда-то с искореженных небес появились хоботы вихрей. Смерчи, закрученные страшной силой, двигались в сторону моря. То и дело они разражались молниями: зелеными, белыми, лиловыми. Ощупывая темными хоботами путь, вихри сами словно исполнял ритуальный танец: два самых мощных смерча, исторгая сине-черные молнии, кружились друг с другом, пульсируя и приседая в унисон. Остальные, более тонкие, раскачивались из стороны в сторону, вытягиваясь вверх к разорванному небу, и кружили хороводом вокруг темных гигантов. Бешенная пляска ветряных столбов, тем не менее, имела четкое направление: все двигались к морю.

Вот первый, меньший из хоровода, дошел до прибрежной полосы. Самый тонкий из всех, он, тем не менее, доставал до разорванных небес, а в объёме был не меньше сторожевой башни. Разворотив валуны, раскидав их как ватные шарики, гигантский хобот прикоснулся к воде. Мириам увидела, что сам смерч точно соткан из темного ветра, в его спиральных завитках она смогла различить проносящиеся то и дело лица и силуэты. Они изгибались то в корчах боли и ужаса, то в беззвучном демоническом смехе, то разлетались на куски и вновь скручивались в нечто целое. Словно в гигантской колбе из ветра и тьмы были заточены существа, похожие на людей и не только. Эльф-лучник тщетно пытался вырваться из воздушной тюрьмы, совсем не величественно дрыгая ногами и руками. Косматая ведьма же хохотала, оседлав сияющего скинуть ее гнома. Рой летучих мышей держался за ее спутанные патлы, закручиваясь в вихре, как черный плащ. Саламандра непрерывно искрила, согнутая пополам злым смерчем. Злобный гoblin уже внутри вихря, видимо, схватил за косу девушку в длинной рубахе, жертва в отчаянье кромсала свои волосы маленьким женским кинжалом... Были и другие, деве привиделся даже молодой дракон, еще совсем кроха, в мягкой перламутровой чешуе, с липкими, нелетальными, видно, крыльями. Его большие лиловые глаза слезились то ли от боли, то ли от пыли. Он беззвучно разевал рот, наверное, звал родителей.

Мириам не слышала ничего кроме грохота рушащихся скал и шума бьющего по щекам ветра. Она так и стояла по пояс в воде, совершенно спокойной в воде, не дрогнувшей даже при приближении торнадо. Более того, злобный смерч, коснувшись поверхности моря, вдруг взвыл как ошпаренная кошка и отпрянул назад, на берег. Его основание покраснело словно от ожога, от даже поднял его повыше и вместо того, чтоб всовать в себя воду, смерч стал разбрасывать береговую гальку, как злой мальчишка бьет окна суровых соседей. Потом вихрь рванулся назад, в круг своих сородичей, всё еще чинно выступающих в танце, но те сомкнули строй и стеной пошли на младшего. Два гиганта двигались позади, словно командуя.

Маленький вихрь теперь уже сам рвался прочь от моря, но более крупные вихри загоняли его как охотники зверя, встав полукругом, то смыкаясь, то разбегаясь, но не выпуская жертву. Наконец им удалось сломить сопротивление, и маленький смерч с воем дошел до воды. За ним оставалась глубокая борозда из раскиданных и оплавленных камней. Вот сейчас Мириам-Лассия была рада, что вокруг не было ни травинки, ни деревца. Они точно погибли бы в пляске гигантов.

И вновь маленький смерч передёрнуло от соприкосновения с морской синью, но путь назад ему был отрезан. Большие столбы теснили его всё сильнее. В корчах младшей вошел в воду, но не продвинулся больше чем на десяток футов: хлебнув солёной воды, заполучив её в свои недра, он покраснел, раздулся, вспыхнул изнутри, став прозрачным на мгновение и Мириам-Лассия как белым огнём охватило всех существ и без того мучившихся внутри. Чешуя молодого дракона почернела, готовая обуглиться, лиловые глаза подёрнулись плёнкой,

из-под век покатались кровавые слёзы. Сердце Лассии сжалось. Не помня себя, она взметнула руки, в известном ей простом заклинании исцеления, но оно осыпалось с её ладоней вместе с кристаллами морской соли. Смерч же продолжал дрожать в агонии. Лассии казалось, что она слышит предсмертные крики заключённых в нём существ. Через мгновение смерч упал, окаменев, в нём больше не было ни жизни, ни подобия ей. Стеклянным мостом, в чью толщу вплавились тела, он протянулся к центру моря. Там образовалась черная воронка, радужное синие возникло над ней. Соляная вода вскипала, пытаясь залить образовавшийся мост, накидывалась на него, отгрызая мелкими кусками. Но он держался, хоть и покрывался с каждым мгновение всё большей соляной коркой.

Диким свистом и воем, похожим на хохот, встретили гибель товарища другие смерчи. Из полукруга они перестроились в ряд, намереваясь по телу его двинуться вглубь. Дева видела, что и в их чревах полно существ: живые столбы намеривались унести их с собой в бездну. Еще не утратив способности сочувствовать живому, Мириам слышала внутри себя скорбный многоголосый вой и зов о помощи, похожий на смертный плач. Он прорывался через визги и отчаянный, истеричный хохот. Вой ветра и шум волн играли им аккомпанемент.

Вот первый черный хобот наступил на мост из мертвецов. Он не покраснел и не обжегся, как убитый. Он лишь попробовал путь на крепость, сделал хобот поуже у основания и, чуть помедлив, двинулся вперед к открывавшемуся радужному свечению, всё разраставшемуся над воронкой. Волны моря взъярились, но не могли достать победно шествующего по трупному мосту. С удвоенной силой они вгрызались в переход, но слишком широк он был, и уже второй и третий смерчи шествовали за первым, достигшим сияния. Отчаянье охватило деву, и вдруг она почувствовала огромную силу, словно не в соленой морской воде стояла, а в потоках межмирового астрала, где плещется чистая магическая энергия.

Тем временем к краю моста подошли и самые крупные, главные смерчи. В них не было схваченных существ, заметила Мириам. Она ощутила, что там, подхваченный вихрем и разложенный на мириады частиц, закручен кто-то один, кто-то с огромной магической мощью, живой, хоть и практически развоплощенный. Четыре меньших смерча в почтении присели перед скрытой силой своих господ, словно уступая дорогу. Узкий мост, истончающийся с каждым мгновением, оказался слишком тонким для двух гигантов. И тогда из центра каждого гиганта ударила ослепительная молния. Четыре вспышки – и четыре мертвых смерча полетели в воды, став новым ковром под ноги повелителям.

Довольно заурчав, те двинулись ко всё расширяющемуся нежному сиянию. А Мириам-Лассия зажала уши. От предсмертного крика тысяч существ кровь засочилась у нее между пальцами. И ее собственные багряные капли стали последними в чаше терпения.

Не помня и не понимая, что она делает, дева закричала и вскинула окровавленные ладони в магическом жесте и прокричала заклятие, повторить которое сама бы уже не смогла. Даже не вспомнила бы, что именно и как она сделала. Только соленая вода под ее руками вдруг послушно поднялась в гигантский вал. Выше самого высокого смерча, обнажив соляное дно, вскинулась волна и тугой прозрачно-синей струёй ударила в один из вихрей-гигантов.

Мост под ним рухнул и, оказавшись в соленой воде, смерч скорчился, свился в сферическую капсулу размером с ладью, покрылся пылающими пузырями, словно ожогами. Его собрат отскочил на берег и в диком вое бросился прочь от моря, расшвыривая всё на своем пути.

–ААААА...иинииииииии! – кричал смерч. Может кто-то другой услышал лишь завывание ветра, но Мириам точно знала – смерч кричал и уносился в ужасе.

Гигантская волна, вызванная волшебством Мириам, прорвала берег, унеся с собой скалы. Часть воды не вернулась. Да и сама волшебница не устояла на ногах. Магический удар оказался таким сильным, что ее опрокинуло навзничь и откинуло. Вода накрыла деву и воды сомкнулись над ней, как склеп. Теряя сознание, Мириам успела почувствовать только обрывок мысли: «...справилась!»

Она уже не видела, как соленая вода довершила работу, разъев и обрушив остатки стеклянных мостов. Не видела дева, как истаяло разноцветное сияние над воронкой в центре моря, и сама она схлопнулась, но обожженная капсула успела всплыть туда. Тот, кто был внутри, не отказался от своей цели. Пузыри на поверхности эллипса вытягивались в многочисленные щупальца. Капсула стала многоногим чудовищем, прорывающимся к отверстию. Кристаллы соли мгновенно облепляли каждую конечность, наращивали слой за слоем, и та, покрытая коркой, в конце концов, отваливалась. Чудище отбрасывало отяжелевшую часть и тут же отращивало новую, не смотря на видимую боль. Вот так, отталкиваясь каменеющими щупальцами, монстр добрался до пенящейся воронки и рухнул туда.

– СССХхРРРаМнН! – пронеслось над слотнувшей его пучиной и твердь земная содрогнулась еще раз. С этим последним ударом всё закончилось.

Глава вторая

Мириам очнулась на берегу. Солнце светило ярко и спокойно. Припекало. До боли в глазах, невозможно ярко сияло совершенно тихое море. Оно словно подернулось маслянистой пленкой. И даже мелкая рябь не играла на его поверхности. Но всё тело болело, кожу стягивало и сушило. Острая галька давила спину. Дева с трудом приподнялась на локте: мышцы не слушались, а высохшая под зноем одежда и волосы, она чувствовала, стали тяжелыми и жесткими от соли. «Наверное, я давно здесь лежу, – отметила про себя бывшая Хранительница, – плащ уже высох, и море такое спокойное, как будто не было ничего».

И как отзвук красоты и покоя вокруг дева почувствовала, наверное, впервые за всю свою долгую жизнь, сладкую истому, разлитую во всем вокруг, даже в ее теле. Она, а не боль или усталость после битвы с гигантскими вихрями, прижимала к земле, растворяла силы и мысли. Слияние с чем-то новым, неизведанным, полное и приятное овладело каждой клеточкой женского тела, заставляя забыть всё старое, прошедшее уже.

– А это даже красиво, – сказала сама себе Мириам, поднеся ладонь к глазам, – словно иной на дубовом листе.

Мелкая соль покрывала кожу, некогда белую и нежную. Сейчас же руки Мириам были загорелыми, смуглыми. Дева потянула прядь волос, стряхивая крупинки. Седину и пепельный цвет соль унесла с собой: локоны теперь стали черными. Но перемены не испугали. Ведь так естественно меняться, измениться, если просишь о новой жизни и великий Орлангур толкает тебя в купель нового мира. Вот и одежда изменилась, стала липового цвета или даже как чуть увядшая белая роза. Воды моря выстирали платье почти до бела, как тут не улыбнуться мысленно?!

– Какого цвета у меня глаза? – вслух спросила дева. И подивилась своему голосу, глубокому и сильному, скорее низкому.

– Цвета дубового сока, темно-коричневые, – раздалось в ответ. – Заботься о своем новом теле. Другого здесь не будет. – Тень упала на белый берег рядом с Мириам.

Тень дракона, но присел на песок ее хозяин в образе человека. Мириам села, хоть это получилось у нее и не сразу. Пришлось превозмогать тяжесть и истому во всем теле, но не говорить же с Великим Духом Познания в позе полудохлой рыбы, подергиваясь. Тот тем временем уселся рядом и все свои восемь зрачков вперил в искрящуюся бирюзовую даль моря, давая деве возможность привести себя и свои мысли в порядок. Затем подобрал округлый коричневый камешек и запустил его в воду. Тот долго прыгал по поверхности воды, как по гладкому полу, затем вспыхнул желтым огнем и в виде такого светящегося фонарика медленно погрузился в пучину.

– Достань его, – не оборачиваясь к Мириам, ровно, без выражения произнес Орлангур. – Достань и я кое-что расскажу о твоей новой судьбе. У меня достаточно времени, чтобы ждать, когда ты сама разберешься. Будешь бултыхаться во времени и мире, пока не освоишься. Я представляю, сколько это в годах. А ты – не представляешь. Но можешь выбрать и более короткий путь к цели: придется побарахтаться в воде, встать и принеси мне светоч.

Двигаться совсем не хотелось, даже знать не хотелось ничего, настолько крепки были объятия волшебной неги, но они же и напугали. «Так я потеряю себя, если не справлюсь. Если не пойму законов нового мира», – решение пришло само собой. Дева встала и пошла. Осторожно и медленно входила она в тяжелую, маслянистую, густую жидкость, которой оказалась гладкая синева. Совсем не такой она запомнилась в битве Мириам. Погружение совсем не было трудным, но не было и освежающим: вода оказалось теплой и долго пришлось идти по мелководью. Сто шагов, сто двадцать... Наконец глубина достигла талии, потом груди, плеч. Наконец дева нырнула, вытянув руки вперед, и открыла в воде глаза. Светоч сиял спокойно

и ровно. Никакого сопротивления, никаких трудностей. Мириам вынесла его на берег, слабо удивившись его легкости и тому, что никакой магии в нем она не чувствует. На воздухе светящийся камень тут же покрылся коркой соли и погас. На ладони у девы вместо живого огонька лежал гольш.

Орлангур взглянул с удовлетворением. По крайней мере, промокшей ныряльщице так показалось.

– Теперь хлопни в ладоши и произнеси заклинание очищения, – повелел Дух Познания, смежив веки. – Да брось ты этот камень, раз он тебе мешает. Что ты с ним носишься?!

От последнего повеления Мириам оторопела: как бросить? Взять и бросить? Разве светоч не стал магическим талисманом, наградой за бой с черными смерчами? Зачем тогда сотворил его и посылал в море?

Всеведущий Дракон издавал какие-то странные звуки, похожие на сдавленное шипение. Глаз при этом не открывал. А Мириам совсем растерялась. Так и замерла по колена в воде с высохшим камнем в руках, когда поняла: «Да он издевается!» И с возмущением отшвырнула камень

А Золотой Дракон уже открыто трясся от смеха.

– Ты очень органичноходишь в этот мир, жрица равновесия, – наконец успокоившись, сказал он прежним, сильным голосом. – Совсем почти как человек. С мыслями и чувствами, готова попирать столпы Упорядоченного, сотрясать по возможности пласты реальности, проходить через непроходимое, и пасующая перед тем, кто над тобой смеется. Выйди на берег, на берег твоей новой родины. Ты станешь хранить её тайну и силу.

– Вот это?

Мириам ужаснулась: её, Хранительницу Леса окружала пустыня, гористая и безжизненная. Соль хрустит под ногами. Ни травы, ни столь любимых ею деревьев. А из зелени только маслянистая вода.

– Да, ты прекрасно с нею управляешься. Уже проявила род своей магии. Потом поймешь, какой именно. Знай только, не должно это место попасть к тем, чьи руки и помыслы суть разрушение.

Никогда бы Дева Лесов Лассия не дерзнула противоречить и перебивать Великого Духа Познания, но ведь сам он дал ей другое имя, другую внешность и воздух нового мира, похоже, совсем изменил кроткую деву:

– Не справедливо, Великий! Тут же выжженная солнцем земля, а я... Ты наказываешь меня! Лучше убей просто! Тут камни и соль и песок и даже ила в воде нет! Ничего живого! Не справедливо, я думала, мне доверят жизнь, а...

– А речи о справедливости не было. Только о втором шансе. И он был дан тебе. И ты снова справилась только на «почти». Как и в первый раз, в дубовой роще, ты стояла и смотрела на гибель живых, решив, что кто-то за тебя спасет твоих, кто-то более могущественный, кто-то великий вмешается. А потом лила слезы на пепелище. Стоя здесь в море соленой воды, подобной слезам, выплаканным тобою, ты снова стояла и смотрела...

– Я растерялась, но не струсила, – щеки Хранительницы пылали, она знала: Орлангур прав и не прав одновременно. Он говорил суровую правду, не давая спрятаться за чувствами, как за одеждой. И оттого Мириам чувствовала себя голой под взглядом этих восьми зрачков.

– По суду без страстей ты снова виновна в гибели живых существ, так как не остановила брандейцев сразу же. И будешь причиной еще не малых смертей. Слуги хаоса остались живы и даже прорвались в другой мир Упорядоченного. Заслуживаешь ли ты после всего сделанного даже мысли о снисхождении? Справедливо ли просто оставить тебя в живых?

Человек на песке потерял четкие очертания, его образ задрожал как мираж в раскаленных песках, и золотое сияние чешуи пробилось сквозь телесные черты, слепя и выжигая сомнения в справедливости сказанного. И из огня воспоминаний на Мириам смотрел молодой дра-

кончик, заживо сгорающий в петлях стекленеющего смерча, безмолвно кричала девушка с косо, клоками отрезанными прядями волос, первородный эльф прикрыл в предсмертной муке свои фиалковые глаза... Их всех, и многие тысячи других в одно мгновение увидела дева. Они стояли длинными, уходящими в небытие рядами, меж зеленых деревьев ее дубравы, и тела их плавилась, становясь черной сажой. Стыд и горе, бессильное горе пронзили сердце Хранительницы.

Но злое сияние погасло, жар сменился светом и марево, окутав светящуюся фигуру, снова придало ей форму человека на песке. Тот же вздох, что слышала Мириам, будучи еще Девой Лесов, сейчас погасил пламя гнева. Демогоргон был рядом со своим братом.

– Но Творец создавал своих детей не для сведения счетов. Потому ты и жива, и будешь жить здесь, пользуясь силой, что я тебе оставляю. Если бы ты не дерзила, то я сказал бы просто, что тебе надо делать и зачем, а теперь только: отныне, Мириам, ты – жрица ордена Равновесия, храни мир в этом месте и в этом Мире, пока не сменил тебя кто-то с таким же даром, что и твой.

Орлангур поднялся и пошел прочь, не оборачиваясь более на нареченную жрицу. С каждым шагом он всё больше терял человеческий вид, и на прибрежном песке не оставалось следов его поступи. Бело-золотой дракон ушел в отвесную каменную стену.

Глава третья

... – А потом ты встретила отца? – черноглазый кудрявый юноша развел плечи, поиграв уже хорошо очерченными мышцами. Холщевая свободная рубаха нежно-зеленого цвета с большим вырезом горловины не скрывала его атлетического телосложения. – Пока я слушал тебя, у меня накопилось много вопросов. Но, как воспитанный сын, не буду прерывать рассказа матери.

– Я слышу иронию в твоих словах, Кайно, или это только призрак материнских страхов? – улыбнулась красивая цветущая женщина. Она попыталась обнять сына, но тот уклонился, сверкнув темнотой зрачков из-под густых ресниц.

– Мам, ты говоришь по-восточному цветисто, – свести всё к шутке и уйти от темы сын Мириам умел. – Почему бы просто не продолжить рассказ? Другого подарка на день рождения я и не жду уже давно. Сколько мне лет сегодня, напомни...

То ли шутка, то ли вызов. Мать задержала взгляд на красивом орлином профиле сына. Заходящее солнце делало его мягче. На вид ему двадцать. Не больше. Но это только на вид. Обычай отмечать день рождения каждый год – дань обычаям мира Терры. Но какой в этом смысл, если живешь уже не один местный короткий век? «Хвала Творцу, что Олангур выбрал нам место, где смена сезонов не слишком заметна... Но иногда я думаю, что это похуже Хеля...» – Мириам улыбнулась своим мыслям, но не сводила глаз с сына. Тот улыбку посчитал ответом и отвернулся.

– Ты совсем мальчишка, и всегда им будешь, – что она еще могла сказать?! – К тому же ты не прав насчет подарка. Давай будем считать тебя совершеннолетним с сегодняшнего дня.

Женщина протянула сыну искусно вышитый пояс.

– Теперь ты сможешь, как мужчина, носить на нем меч или что захочешь, – ей было приятно видеть, как загорелись глаза юноши.

– Отцовский меч?

Нет, он, право, ненасытен!

Мать завязала пояс на талии сына. Широкая рубаха отрока сразу стала взрослой одеждой. И Кайно отвлекся, залюбовавшись редкой красоты работой: весь пояс был словно выложен листьями никогда не виданных им деревьев, округлых и резных одновременно, между ними – камни бледно-желтого, отливающего металлом оттенка.

Порыв ветра принес с моря удушливый запах серы. Мириам вздохнула. Тени финиковых пальм спасали от палящих лучей, но от удушливого аромата – нет. За сотни лет на берегу Мертвого моря женщина так и не привыкла к запаху. Потому что знала его первопричину: остатки и останки волшебных существ, гибель которых она видела. Или даже стала причиной, как сказал Дух Познания.

– Давай продолжим беседу вечером, в прохладе, – предложила Мириам, – у меня еще есть дела по хозяйству. И спустить к морю, сын. Посмотри, нет ли путников. И ты знаешь, что делать...

«История на сегодня окончена», – понял Кайно и нельзя сказать, что это его радовало. Откупиться подарком, пусть даже таким прекрасным, о нет, мама! Не получится. Мать скрывает слишком многое, но только разогревает так решимость узнать правду: и о себе, и об отце, которого никогда не видел, и о своей миссии здесь, на берегу этой лужи с солью, и о странных путниках, которых всегда чует и вообще! Что именно «вообще» Кайно не представлял точно, но был уверен, что «вообще» существует и реально, но мать не хочет о нем говорить.

Вот и сейчас, он снова убедился в материнском чудесном «вообще» чутье: на горизонте, по седой прибрежной полосе мчались во весь опор всадники на верблюдах. Да, рассказ о семей-

ных тайнах на сегодня действительно окончен – вечером будет не до разговоров с матерью, найдутся собеседники поинтереснее.

Кайно дальше делал, как учили: первым делом посмотрел на небо, нет ли знака, но не увидел ничего кроме пылающего белого шара солнца. Что за знаки там мать умудряется видеть? Затем повернулся лицом к распадку с источником, где они жили с матерью, и сделал несколько заученных жестов, произнеся нараспев непонятные слова. Как велела всегда в таких случаях мать, представил парящего над домом коричневого сокола. Вновь ничего не увидел глазами, но как утверждала Мириам, это и не обязательно: те, кто должен, сами увидят, если всё сделал правильно. Эти действия помогали на время скрыть от посторонних их долину. Так, по крайней мере, утверждала Мириам. Вроде работало, но сам Кайно разницы не видел. Затем, уже от себя, юноша взял соляной булыжник поувесистей и сел у входа в распадок в тени самой первой из финиковых пальм. Прислонившись спиной к шершавому стволу, Кайно пошарил у ее корней и достал дано припрятанный там египетский систр – подарок одного из гостей, побывавших как-то в их финиковой роще. Мать тогда велела ему выбросить игрушку в море, сдвинула черные брови и посмотрела недобро. Но бубенчики так жалобно звякала, пока мальчик нес их к берегу, и так был не похож их звон на привычные звуки пустыни, что Кайно не смог. Впервые послушался матери. Сейчас, чтоб скоротать ожидание, сын Мириам постукивал звенящей погремушкой о ладонь. Колокольчики издавали свое «дзинь» и от этого становилось как-то веселее.

А всадники на верблюдах приближались. Уже отчетливо было видно: трое, в полосатых одеждах. Непонятно – мужчины или женщины, но по виду – не простые бедуины. Египтяне. Скачут быстро, словно убегают от кого-то. Или идут на зов. На всякий случай юноша спрятался за пальму. И тут же всадники словно потеряли направление. Закружили на месте, задержали верблюдов за поводья. Всадница, теперь Кайно мог точно разглядеть, всадница на самом маленьком верблюде нерешительно тронулась вперед, к пальме, но глаза ее блуждали бессмысленно. «Она действительно не видит меня! – обомлел парень. – Мама научила меня защитному заклинанию невидимости, а я не понимал, что делаю!» А еще он почувствовал что-то вроде гордости: он всё делал правильно, получается, что он – маг в какой-то мере. И это открывает много возможностей... Кайно не задумывался, его ли это мысли, и какие возможности открываются.

А тем временем всадница с кипящими смолю глазами, закутанная в полосатую материю, искала его взглядом. Кайно видел как блестят на очень смуглом, практически черном лице белки глаз, как яростно сжимают богато украшенные поводья тонкие руки в перстнях. Он угадывал стройную фигуру под ворохом льняных покровов. А она тем временем закричала:

– Я слышала египетский систр, господин! Я слышала тебя! Господин, отзовись! Нам нужна помощь! Тот, кто играет на инструменте доброй Хатор, не допустит гибели от рук злодеев!

Ее голос звенел, как колокольчики: звонко и жалостливо. И Кайно опять сломался. Вышел из тени пальмы, держа систр в одной руке, а соляной булыжник – в другой. На всякий случай. Двое оставшихся всадников тут же подскочили к нему. Это оказались воин и еще одна женщина, постарше.

– Мы ищем защиты и убежища, – заговорила она хриплым голосом, – на наш караван напали. И преследуют сейчас.

Подтверждая ее слова, в песок рядом с ней воткнулась горящая стрела. Вторая попала в горб верблюда чернокожей девушки. Тот громко заревел, шерсть на нем вспыхнула синим пламенем и с громким хлопком животное превратилось в кучу смрадной слизи. Единственный мужчина из троицы, воин с лицом без выражения, соскочил со своего верблюда и выхватил огромный кривой меч из-за пояса.

– Иллилиллилиллилиллилиллилили!!!! – разнеслось многоголосое над серыми скалами.

– Господин, спаси! – девушка-колокольчик упала к ногам Кайно. – Ифриты убьют нас! И пожрут наши души как горсть фиников!

А защитник-египтянин, похоже, уже не верил в помощь какого-то юнца в зеленом.

– Возьми моего Иси и скачите с госпожой дальше, я задержу этих сынов гиены, пусть это даже будет стоить мне бессмертной души, – тон голоса не терпел возражений. – Звезда миражей не должна попасть к ним в руки! Скачите!

Кайно залюбовался черно-синей сталью клинка. Ему даже показалось, что тот загудел в ответ. Сила исходила от воина или от меча, не важно. Но Кайно захотел быть похожим на него, а не на сына своей мирной матери, только и делающей, что рассказывающей сказки и топящей в море подарки несчастных гостей.

А ифриты тем временем наступали. Они поглощали пространство гигантскими скачками, удивительно, как только троица могла уйти от них на простых верблюдах... Огненные тела троих злобных существ парили над поверхностью земли. Каждый высотой не меньше чем в 7 футов, злобные духи громоподобно хохотали. Но они были не одни: каждый из них нес на плечах не меньше десятка простых воинов-людей в синих одеждах. Они-то и пускали стрелы, их клич разрезал тишину морской пустыни. Только Асфальтовому морю было всё равно: на его поверхность, даже просто над ней огненные духи не летали. Сомнений в их намереньях не оставалось, а судьба воина-одиночки казалось предрешенной, хоть и героической.

Но тот взмахнул своим вороненым клинком. Безжалостное солнце пустыни заиграло на нем и отблеск только попал на первого из огненных духов. Тот взвыл яростно и затрясся, сбрасывая восседавших на нем людей. С боевым кличем египтянин кинулся на врагов, один против десятка. Вороненый меч вступил в дело. Воистину, то был не простой клинок! И владеющий им, стоил армии! Десть против одного – не больше десяти минут схватки! Первый из разбойников остался без головы. Второго египтянин разрубил пополам как зрелую тыкву. Вот упал третий: его воин прикончил ударом снизу верх. Потом сине-черный меч превратился в сплошной стальной вихрь вокруг своего хозяина. Даже ифриту досталось от волшебного клинка: он заревел, получив рану в пылающий живот, и разозленный взвился в облака, чтоб оттуда огненным шаром низринуться на непокорного, но в самом конце полета он резко изменил траекторию и помчался на беззащитных женщин и юношу в зеленом. Готовые погибнуть, те сгруппировались и темнокожая юница прикрыла собой старшую, чтоб дать ей больше шансов выжить в аду ифритового пламени. Но солдат угадал маневр и, раскидав, нападающих людей, успел подставить гудящий клинок на пути духа. Тот вспорол огненный живот, как рыбе брюхо. И из чрева ифрита полился дождь пылающей серы, погребая под собой и воина-египтянина и убитых им врагов. Сам великан рухнул в море, испустив предсмертный крик. Первый натиск был отбит. Но слишком велика цена победы. Оплавленный синий клинок лежал на песке, посыпанный пеплом его последнего владельца. Женщинам не на кого больше было рассчитывать. И Колокольчик, оставив свою спутницу, метнулась к осиротевшему мечу. Он показался особенно гигантским в ее маленьких руках.

Другие ифриты приближались. Уже готовая вскочить на уцелевшего верблюда, Колокольчик, бросила прощальный взгляд на Кайно.

И тот, наконец, решился:

– Не женское дело носить оружие, госпожа! Двум женщинам не спастись, когда их преследуют духи огня и банда разбойников, – с этими словами парень отнял меч у чернокожей и засунул его за подаренный сегодня пояс. – СISTR больше подходит для ваших рук. Идите за мной. И быстро.

С этими словами он взял под уздцы верблюдов и повел животных в тень финиковой рощи в распадке. Женщины и не думали возражать. Кайно испытал новое и очень приятное чувство: ему подчинялись, за ним следовали. Привыкший сам подчиняться матери, даже если не понимал, что делает, он почувствовал себя мужчиной. Оттягивающий пояс меч усиливал это чув-

ство. Уже понимая, что он делает, особенно старательно Кайно повторил защитные жесты и слова, пряча свою долину от посторонних глаз. Теперь на берегу остались только следы недавней битвы: обгоревшие тела да цепочка верблюжьих следов. Маслянисто-синяя поверхность моря приняла тело ифрита беззвучно и снова была спокойна, даже рябью не подернулась. Но и тут юноша знал, что делать: заклятье ветров мать вложила в него еще с детства, хотя он думал до сегодняшнего дня, что просто напевает песни с материнской родины. Сегодня словно пелена спала с глаз Кайно. Он сотворил волшебство сознательно, чтоб замести следы. Поднявшийся с моря поток душного воздуха ударил им в спину, но тут же улегся. Дева-Колокольчик, казалось, глядела на парня с восхищением, но прятала глаза, как только замечала, что он смотрит на нее.

– Наша госпожа – придворная дама Египта, она отблагодарит тебя за наше спасение, – произнесла старшая из женщин, – наша же благодарность безмерна и бесчисленна, как крупинки соли на берегу этого Восточного моря.

Кайно ответил церемонным поклоном, но без слов. А за воздвигнутой преградой невидимости два ифрита, еще более крупных, чем первый, поверженный, носились в ярости от потери добычи. Расшвыривая смертных со своих плеч, они завывали неистово. Но, как понял Кайно, так и не видели, куда пропали беглянки.

Мириам, разумеется, приняла гостей, но была молчаливей, чем обычно. Вежливо слушала, улыбалась комплиентам старшей из женщин, светлокожей Султаны, а та всю расхваливала ее стряпню, восхищалась прекрасными пальмами долины и ее хозяйкой.

– Не считите за дерзость, почтенная Мириам, но мне трудно предположить, сколько вам лет. Мало кто из придворных дам может похвастать такой цветущей красотой при таком взрослом сыне. И стада ослиц, в молоке которых купаются дамы по примеру моей госпожи, я не вижу в вашем оазисе. В чем ваш секрет? Он превратил бы вас в богатую и знатную, раскрой вы его мне. А я уж позаботилась бы о том, чтоб сделать его доступным только для избранных, а потому желанным для всех дам не только Египта, но и Рима.

Мириам слушала вполуха. Зато наблюдала вполглаза за сыном. Да тут и четверти хватило бы, чтоб заметить изменения. Кайно был здесь, в ярком круге света возле огня, но весь устремлен во тьму ночи. Причину материнский взгляд тоже различил сразу. Маленькая чернокожая нубийка с кипящими смолью глазами и сотней жестких косичек сидела у края навеса. Только благодаря тяжелым золотым подвескам косички свисали в гладкую египетскую прическу. По обычаю своей страны на девушке была льняная набедренная повязка, чуть выше колен, но чтоб не впасть в немилость хозяйка финиковой рощи, к ужину Кали, так ее звали, вышла, надев еще немного кисеи и очень много длинных ожерелий из самых разных материалов. Золотые пластины и серебряные цепочки смешались на ее грудь с коралловыми шариками, нитками ракушек и жемчуга, и даже костяные подвески и бронзовые бубенчики были там. Широким передником они спускались с тонкой девичьей шеи, скрывая маленькие упругие груди и мягкий живот.

Скромно сидела Кали у края света, лишь иногда поднимая глаза то на говорящую Султану, то на Мириам, но никогда на Кайно. И эта женская покорность сводила парня с ума. Если бы она смеялась и пела, танцую жаркие танцы своей дикой родины, юноша отвел бы глаза и запретил бы себе смотреть на длинные стройные ноги эбонитового цвета. Он ушел бы считать звезды на вершине холма или смотреть на лунную дорожку на морском берегу, и справился бы с дразнящим призраком и звенящей плотью, забыв всё на утро. Но нубийка сидела и молчала, потупив глаза, и только ее гладкая черная кожа требовала прикосновения в отблесках мирного огня.

Потом Кали как-то незаметно растворилась в темноте. Так незаметно, что даже Кайно пропустил этот момент. А Мириам, отвлекаемая светской болтовней Султаны, спохватилась, когда сын попросил разрешения пойти проверить как там верблюды. Всё было ясно без слов. Но вежливость требовала от хозяев оставаться с гостями, и гости этим беззастенчиво пользова-

лись. Когда же Султана наконец уgomонилась и взяв слово с Мириам, что та разрешит поднести царице фиников и целебной морской соли, сохраняющей красоту, матери было поздно бежать за сыном в темноту. Оставалось только утешать себя мыслью, что рано или поздно сыновья должны отпустить материнский подол, чтоб взяться за другой.

Но не прошло и часа, как хранительница резко изменила свое мнение и уже громко звала своего сына по имени. Её больше не занимал ночной покой гостей и соблюдение неписаных законов и приличий.

А Кайно действительно пошел к верблюдам. Им нужно было дать свежей воды, и вообще... Ежедневных забот хватает. Мать даже находит в этом какую-то прелесть, появление гостей разрушает привычный уклад и прибавляет суеты... Так она говорит. Но Кайно гладил белого верблюда, на котором сегодня днем скакала маленькая нубийка и думал, что суета лучше рутины. И всё время ловил себя на мысли о Кали. О груди бус на ней и об угадывающихся очертаниях того, что под ними. Он представлял, как сжимает девушка бедрами спину верблюда, когда едет, и как покачивается она в такт движениям сильного зверя...

Кали появилась, просто шагнув из темноты. На ней всё так же был ворох бус и ожерелий. Но теперь она не прятала глаз от юноши. И одуряюще пахло какой-то незнакомой сладостью.

– Я хочу еще раз поблагодарить тебя за спасение, – нубийка первой прервала молчание. Бусины тихонько шуршали при каждом ее движении.

Теперь Кайно опускал глаза. Но даже в темноте приморской звездной ночи хватало света, чтобы видеть золотые браслеты на эбонитовых щиколотках. Сильных бедер не скрывал египетский лен.

Слова сейчас только мешали. Пальцы юноши уже скользили по ниткам бус, отыскивая то, что те скрывали. Черная дева не возражала, а прижалась сильнее, выгнувшись, как арфа в руках Кайно, когда он обхватил ее талию.

Никто из них не хотел останавливаться. Кали как огонь пылала в его руках, неуловимо гибкая и горячая. Просторная рубаха Кайно треснула, разорванная от ворота сильными черными руками. Дарённый пояс, сорванный, уже давно змеился у ног девушки. А еще она шептала:

– Поехали со мной, тебе не место здесь в глуши, ты великий маг, я поняла это сразу, для меня честь отдаться тебе, будь моим, любимый, – и Кайно таял от слов, горячих как вожденное лоно. Он был готов на всё, ради обладания Кали. А она опрокинула его на спину, на остывающий песок, и теперь возвышалась, еще более желанная.

– Будь моим, иди за мной, я дам тебе силу и помогу обрести истинное бессмертие, там мы будем вместе навсегда – Кали поставила точеную ножку на грудь парню, и он ясно увидел татуировку на щиколотке: восемь стрел, направленных во все стороны света. В темноте тату слабо светилось красным.

– Да, – простонал Кайно, – да, всё что ты скажешь, любимая! – он потянулся губами к светящемуся знаку, но Кали отдернула ножку.

– Сынок, Кайно, где ты? – крик матери взорвал момент.

– Я буду ждать тебя после испытания в своем убежище в Александрии, – голос Кали теперь не походил на жалобный колокольчик систра. Это был голос повелительницы, но казался слаще меда.

– Отойди от моего сына, женщина, – грозная воительница стояла сейчас перед Кайно, валькирия, а не привычная заботливая мамочка! Кривой меч погибшего египтянина, сменивший за сутки уже третьи руки, даже не подрагивал. Мать держала его крепко и умело. Темно-синее лезвие уперлось в гладкую и влажную спину Кали. – Эта ведьма с тобой ничего не сделала, Кайно?

Миг, и повелительница снова стала кроткой черной прислужницей.

– Простите, госпожа, – потупленный глазки, неуверенные стыдливые движения, попытка прикрыть наготу кисеей, – простите! Я хотела поблагодарить вашего сына за спасение как принято у меня на родине. И... может быть... открыть ему нечто новое... о нем самом.

Нет, это насмешка, а не покаяние.

Кали расхохоталась. Громко и хрипло, как пьяная. Она с гибкостью змеи поднялась, обернулась и пошла вперед на Мириам, не страшась вороненой стали.

– Я – ведьма?! А сама-то ты кто? Или сын не знает, чем занимается его тихая мать? Или ты ему не рассказала еще как вырастила этот финиковый садик в соляной пустыне? Кто ты вообще такая и кто он из-за тебя?

Кали зажала угрожавшее ей плоское лезвие ладонями. Искры пошли по нему, гулом наполнился воздух, задрожал и завибрировал.

– Ты должна немедленно покинуть мой дом, – Мириам зачем-то пыталась быть вежливой, – здесь нет места слугам Хаоса!

Кали зашлась хохотом. Её белые зубы сияли алчно и хищно:

– А иначе что? Проткнешь меня?

– Твоя подруга тоже сомневалась, что у меня хватит сил, – Мириам навалилась на рукоять.

– Вот так? – Кали резко развела ладони, и тяжелая сталь воткнулась в гору бус прямо посередине груди. Меч вошел в тело нубийки до половины.

– Нет! – Кайно словно сам принял удар.

Бусины водопадом полились на песок. Девушка согнулась в предсмертной судороге. Медленно, очень медленно она повернула голову и бросила прощальный взгляд кипящих смолюю глаз на обмершего юношу.

– Истинное бессмертие, – выдохнула она. И упала на колени, пронзенная насквозь.

Мириам выпустила раскалившуюся рукоять. И в тот же миг знак из восьми стрел запылал на эфесе. Белый луч вырвался оттуда и, пронзив темноту ночи, срезал навес над верблюдами, слово столбы там были из масла. Сухое дерево загорелось. А Кали попыталась встать. Луч дернулся, повторяя ее движения, и вот уже запылали крыши построек, вот полетели вниз срезанные горящие макушки пальм, лопались и взрывались горшки с маслом, верблюды носились, громко ревя...

– Горят, они снова горят, – завопила Мириам. – Снова, снова! – казалось, что кроме пожара теперь она ничего не видела. И резавший пальмы луч разрезал вновь уже затянувшуюся рану в памяти. Женщина смотрела безумным взглядом и не дымящиеся перистые кроны видела перед собой...

Кайно бросился к поднимающейся девушке, но та легко оттолкнула его, и уверенно встала на ноги. Ухватившись за раскаленный эфес, нубийка вырвала оружие из своей груди и снова расхохоталась.

– Я сама свила «Звезду миражей» из огненных заклинаний на родине твоего отца, маленький Кайно, – огонь плясал в ее глазах, но не пламя пожарища играло в зрачках чернокожей. – Его не сравнить по силе с работой мастеров Брандея и работает он только в нашем мире, но посмотри, как работает! Всё, что ты видел утром, возлюбленный, всё сделал он, «Звезда миражей»!

Кайно не верил своим ушам: злодеи из пустыни, битва с ифритами, гибель воина, боевой клич и дождь из серы – всё только миражи! И навел их вот этот тяжелый клинок, который он сегодня носил за поясом!

– Ты мог бы сделать не хуже, или намного лучше, мужчина знает толк в мечах лучше любой девы, даже если не пробовал. Ах, если бы ты не хоронил себя заживо в этом слащавом пальмовом раю. Спроси у матери, когда она придет в себя, и, – голос Кали снова зазвучал как музыка, – И мы не закончили наш танец страсти. Я жажду встречи с тобой.

Очертив на прощанье круг боевым лучом, нубийка вскочила на какую-то синюю крылатую тварь, вынырнувшую из пламени пожара, и взлетела в ночное небо.

К утру и этот мираж рассеялся. Мирно перешептывались листьями стройные пальмы. Их сочные плоды уже почти созрели. Громадные разноцветные гроздья – красные, желтые, – свисали из под высоких крон. Совсем скоро нужно будет взбираться туда, срезать ароматные тяжелые кисти, а потом разложить сушиться на солнце. Мальчишкой Кайно любил карабкаться по шершавому стволу и спускаться с полной плодов корзиной на голове. Или пить молоко со свежим финиковым медом, глядя как мать ловко плетет очередную циновку. Ее красивые пальцы перебирали листья, словно играли на арфе. И все, кто бывал в их оазисе, восхищались тонкой искусной, нарядной работой. Хвалили и увозили с собой, с удовольствием меняли на что-либо. А еще надо сделать масло и вино да и пальмовой муки запастись. Заботы, заботы, каждый сезон, каждый год, каждый раз... Мириам находила в этом какое-то удовольствие, и сын разделял его, пока не вырос. Но нынешняя ночь перевернула всё. «Или расставила по своим местам?» – спрашивал себя Кайно, с мрачным удивлением осматривая не пострадавшие уголья. Без радости.

Горевшие в ночи навесы стояли на своих местах. Не сдвинулся с места ни один сухой лист на кровле. Плетеная изгородь не пострадала и горшки с мукой и маслом, так лихо взрывавшиеся во время сражения, чинными рядами стояли в полном порядке.

Так было или не было? Жаркая битва, тяжесть волшебного клинка в руках, проснувшаяся мужская сила и горячая женская плоть в ночи – мираж или правда? Можно ли жить теперь спокойно и мирно, занимаясь финиками и вычерпывая воду молчаливым верблюдам, если знаешь, что за стройными рядами пальм и смрадным морем бурлит жизнь, полная страсти? Если ждет самая прекрасная и опасная дева из виденных тобой, ждет и жаждет встречи? Сулит еще больше знаний, силы и наслаждений. О, пальмовая изгородь больше не удержит, знать бы, что всё не было сном...

Кайно бродил по усадьбе сам не свой, ища знака. И он нашелся.

Мать сидела под навесом, грезя с открытыми глазами. Но, когда сын подошел к ней, вздохнула и спросила:

– Она еще лежит там, за масляным амбаром?

– Кто, мама?

– Султана. Я отрезала ей голову вчера, – и затем она заговорила быстро-быстро. Мириам сейчас совсем не была похожа на всё знающую и спокойную как песчаные дюны женщину, какой сын привык ее видеть. – Ты вчера ушел с Кали, я понимала – зачем. А это сидела и трещала, трещала, говорила и задерживала. Потом успокоилась и тоже вроде бы ушла спать. Но я нашла её за масляным амбаром. Она прогрызла шею козе и пила кровь...

... Мириам всегда ступала бесшумно, легкая походка девы лесов осталась еще с прошлой жизни. Как и умение ладить со всем живым, если такое находилось в забытой Творцом гористой пустыне этого неродного мира. Душной ночью, когда сын растворился в темноте, в погоне за первой страстью, мать решила пойти взять еще масла для светильников. Хозяйке всегда есть о чем позаботиться, чтоб поменьше думать о судьбах Упорядоченного.

Уже поднявшись на ноги, Мириам почувствовала страх. Чужой липкий ужас проник в нее, ударив под сердце как ножом. Простое существо, животное. Совсем рядом. И немой крик оборвался... Погибло! У хозяйки сбилось дыхание. Она покачнулась и схватила первое, что попало в руки, в порыве защититься и защититься. Кривой меч с сине-черным лезвием.

Он, двуручный и тяжелый, сам легко лег в руку, словно уменьшив лезвие, эфес и граду под маленькую женскую ладонь. И Мириам сделала шаг навстречу мраку.

За складом пузатых горшков и кувшинов еще билась в агонии коза. А на ней, согнувшись неестественно, как сломанный голем, подставив лицо под струю булькающей крови, сидела придворная египетская дама. Перепачканная, она слизывала кровь и урчала, крепко держа еще

дергающееся животное. Клыки торчали изо рта Султаны. Когда же коза затихла, монстр вонзил в шею жертвы пальцы, мгновенно ставшие когтями, и рванул шкуру, вырвав кусок мяса.

Увидев остолбеневшую Мириам, чудовище заулыбалось и довольно заурчало:

– Десерт!

Откусив шмат теплого еще мяса, существо проглотило его, закидывая голову, на манер стервятника. Шея Султаны вытянулась и еще недавно искусно убранные волосы теперь слиплись и болтались липкими прядями, оставляя кровавые разводы и грязные полосы на плечах и спине. И неуловимо резко хищная тварь подобралась и прыгнула. Оттолкнувшись руками и ногами, она уже в полете распрямилась и вытянулась, так что дорогая одежда треснула и стала рванью. Лишь на долю секунды раньше отшатнулась Мириам, лишь на два волоса не достали ее смертоносные когти. Лязг клыков раздался над самым ухом. Женщина ударила наотмашь, как палкой.

Удар лезвием плашмя заставил тварь заскулить и отлететь на несколько футов. Но пыла не охладил:

– Я сожру твой мозг как варенье из фиников, сладкая, – прорычала Султана. И сделала новый прыжок.

– Мириам, значит «горькая», безмозглая тварь, – парировала хозяйка. И снова удар сабли пришелся плашмя, не причинив звероподобной даме серьезного ущерба.

– Ашшшшшшш, асссссс, – скалила она клыки, не решаясь сразу на новый длинный прыжок. Противники начали ходить кругами, выбирая момент для атаки. Султана не была диким зверем и не боялась человека, ее нельзя было зажать в угол и забить мечем как скотину. Скорее наоборот, каждое ее движение всё больше и сильнее выдавало в ней монстра, которого людям стоит бояться. Кожа Султаны посинела и покрылась бугристыми наростами. Глаза вылезли из глазниц, окровавленные клыки – из широкой пасти. Мириам должна была бы подпустить тварь, чтоб одолеть в ближнем бою, но это же понимала и врагиня. Она сделала первый шаг, опытная в боях и нападениях.

Зашипев и заклекотав мерзко, так что в загоне заблеяли от страха козы, чудовище вдруг кинуло женщине в глаза песком. Резкая боль, и вот Мириам почти безоружна и беспомощна, опустила меч.

Синяя тварь резко прыгнула. Зверь уже чувствовал вкус человечины под клыками. Но острие вороненой стали прервало полет. Мириам ударила вслепую. И не промахнулась.

Прыжок Султаны должен был стоить жизни хранительнице, но звериный инстинкт подвел монстра. Позволив сработать животным инстинктам, Султана стала уязвима для чутья Мириам. Бывшая дева лесов угадывала и чувствовала синего тонкошею монстра, так же, как мирную лань или опасного тигра. Ощущала внутри ее движения, намеренья, даже в темноте или с засыпанными песком глазами. Потому как только зверь сделал прыжок, Мириам вскинула руку с мечом, и тот с наслаждением рубанул снизу тонкую синюю шею.

Чудище отползло, заскулив, в темноту. Но синелица голова египетской светской дамы лежала, отрубленная, у ног женщины. Клыки втянулись, глаза померкли и уменьшились. Только перепачканные кровью волосы напоминали о том, с чего всё началось.

Минуту, пока слезы окончательно не смыли песок из глаз, Мириам стояла над мертвой головой, придавленная своим поступком. Но материнский инстинкт взял своё и мысль защитить сына от монстров-хаоситов погнала женщину дальше в темноту. То, что это хаоситы хранительница не сомневалась: на эфесе клинка, вкусившего крови, сияло колесо из восьми разнонаправленных стрел. «Не важно – чем, – только и подумала женщина, – важно – успеть!» Она громко окликала сына по имени. И своим появлением испортила ему первую жаркую ночь.

– ...Или спасла? – она подняла глаза на стоящего в разорванной рубаше сына.

Кайно поправил одежду, промолчал. Всё стало внезапно очень сложно, смешалось: явь и миражи, женщины и монстры, их оазис и какой-то хаос. Мама, его мудрая, спокойная, всезна-

ющая и нестареющая мать, смотрела на него, на ее вечного мальчишку глазами слабой и беззащитной лани. И совсем не похож был этот взгляд на те, что вчера бросала на него украдкой чернокожая Кали. Он чувствовал, что должно случиться что-то важное, что требует от него выбора и взрослого решения и впервые за бесчисленное количество прожитых лет пожалел, что приходится взрослеть. И когда он шел за навес с кувшинами, то не знал, чего боялся больше: найти там отрубленную голову или пустоту.

Голова лежала там. Мертвая, почти лысая, всего несколько черных прилипших прядей, грязная какая-то, словно сделанная из пустой высушенной тыквы. А дальше у загона для верблюдов ярко сверкали при свете солнца рассыпанные бусы. Какой парню еще ответ нужен?

Кайно пнул ногой череп. Тот оказавшись действительно пустым и легким, перевернулся и показал дыру у основания, где предполагалась шея. «Не череп, а горшок», – подумал юноша, но брезгливости не испытал. Поднял находку, собрал в нее бусины и цепочки и совсем лишился покоя. Что делать теперь, когда знаешь, что события вчерашней ночи – реальны, хоть и много в них миражей и колдовства? Отнести трофей матери, чтоб и она тоже знала? Но тогда конец всей их выстроенной спокойной жизни. Впереди неизвестность или опасные знания. Или выбросить голову-тыкву в море и убедить мать, что не было ничего? Просто дурной сон? Тогда останется всё как есть и сегодня к вечеру заняться финиками, но потом по ночам стонать от воспоминаний и упущенных возможностей?

Юноша не знал, что выбрать. И памятуя о состоянии матери, жалея ее, уже готовился проскользнуть мимо, к морю. Но Мириам заметила его раньше, он только и успел, что завести находку за спину.

– Переоденься, сын, – повелела она Кайно. Усталым голосом, но повелела, – и если что-то нашел, выброси в море – оно всё перемелет. Да, и надо заняться сбором фиников сегодня!

«Да сколько можно решать за меня?! – даже дыханьем поперхнулся парень – За меня решать! Хватит!»

– Мама, со всем уважением, но мы договорились вчера – я совершеннолетний. И ты должна мне всё рассказать, – Кайно поставил рядом с матерью трофей и сам сел рядом.

Говорил он тихо, но Мириам поняла, что настроен сын самым решительным образом.

– Я не знаю, с чего начать, мальчик мой, – предприняла она последнюю попытку сохранить хотя бы на время былой порядок вещей. Но юноша был непреклонен:

– Начни с главного. Со слуг Хаоса, как ты их называешь!

– Тогда придется и об отце твоём рассказать, – грусть звучала в ее голосе, – но ты прав: когда-нибудь всё равно пришлось бы это сделать. И теперь ты покажешь, справилась ли я. Освободишь ли ты свою старую мать или бесконечность у моря для меня еще не кончилась... Твоего отца звали Годир... – Мириам снова помолчала, но Кайно не сводил с нее пронзительных карих глаз, и ей пришлось приступить к рассказу...

Глава четвертая

...Годира назвали так в честь одного из первых царей их державы. Потому особенно унизительна оказалась участь стать прислугой. Не такой судьбы желали мальчику его родители, но соседи по клетке-коморке под полом главного зала Молний, говорили, что мертвых никто не спрашивает о желаниях. Конечно, сирота Годир понимал, что они правы, но смириться с ролью говорящего орудия ему мешала память. Он помнил своих родителей. Их дом с садом, и как отец играл на кифаре, а мать, смеясь, водила с маленьким Годиром хоровод. Как прилетали большие длинношеие лебеди и подпевали отцовским переборам, хлопая крыльями. И карапуз Годир не боялся этих огромных птиц, а они не клекотали бессмысленно, как сейчас, а именно пели... И сказки помнил мальчик, и вкус хлеба, который подавали к столу досыта. И много чего еще, и то, что его родителей одних из первых отправили в цепях в зал Молний. Оттуда они не вернулись.

Оттуда никто не возвращался, если попадал вовнутрь в стеклянном шаре. Скольких существ и тварей привозили им со всех сторон света. Годир насмотрелся на созданий, прекрасных как грёзы и страшных как ночной кошмар. Зловещая сфера зала Молний поглотила и огромных чудовищ, похожих на птиц и на змей одновременно, и маленьких смешных человечков с бородой до колен. Канули в нее и изящные девочки размером с цветок – с цветочным кустом их и доставили в круглую могилу; – и высокие прекрасные воины с глазами цвета весенних гиацинтов. Одних привозили вместе с их обиталищем, других – израненных и полуживых, в цепях. Кошмарные создания ночи и женщины с телами чудищ, неприметные на вид люди и прекрасные видом птицы, звери, морские обитатели самых причудливых форм... Всех их завозили в хрустальных шарах, и, подчиняясь силе небесныхGuestей, те медленно влетали в пасть зала Молний. Кто-то бился в истерике внутри прозрачной тюрьмы, кто-то из последних сил отчаянно рвался наружу, кто-то опускал голову обреченно. Но никто не смог выбраться, никто не вернулся.

Пустые шары ко времени вечернего прилива обычно уже выкатывались наружу. Пустыми и тусклыми.

Небесные Гости, создавшие этот зал, и много чего еще в Атлантиде, входили и выходили свободно. И чаще всего выходили разочарованные, уставшие, а сейчас всё чаще и чаще просто злые.

– Не то, опять не то, – раз за разом повторяли они, после того как молнии за белыми стенами переставали взрываться. – Это тоже не та магия. Не тот сорт! Готовьте следующую колбу. Завтра на рассвете проверим следующий экземпляр, – затем следовал пинок слуге «из местных» и брезгливый приказ: – Приберите там всё, и чтоб колбы блестели, как солнце!

Годир вырос у зала Молний и когда стал достаточно ловким и сильным, настало и его время прибраться. Там он снова увидел родителей и возненавидел НебесныхGuestей еще больше.

Внутри громадина оказалась еще больше. Больше, чем возможно было себе представить. Полностью сферическая она состояла из двух залов – одного в другом. В первом, куда допускались местные, облицовку из чистейшего белого мрамора на стенах и потолке рассекали восемь черных полос. Из центра вверху сферы они стремились к центру внизу, но, не доходя четверти пути, заканчивались большими треугольниками, похожими на наконечник стрелы. А под самым «потолком», где полосы брали своё начало, висела еще одна гигантская сфера, такая же черная, как и полосы-стрелы. «Чёрный паук», – подумал Годир, когда увидел зал впервые. Внизу сферы, под брюхом «паука», находилась круглая чаша с жидкостью, похожей на воду, но только она играла всеми цветами радуги и бурлила, словно кипела. Оттуда нужно было вытас-

кивать длинным тяжелым багром тусклые пустые сферы и по желобу выкатывать их к выходу из зала. Затем предстояло их натирать морским песком до блеска, чистить как обычный котел.

Брюхо «паука» только издали казалось матово черным. Когда же мальчик подошел ближе, чтоб вместе со взрослыми, загнать к желобу очередные хрустальные шары, он поднял голову и чернота брюха рассеялась. Словно сквозь дым увидел он сотни и сотни существ, прибывших сюда раньше. Как куски мяса у повара, они были нанизаны на серебряные пульсирующие нити, протянутые от оболочки брюха к центру паучьего чрева. Люди и драконы, баньши и русалки, эльфы и ифриты, все были там. Стержни тихо вращались по непонятной траектории, создавая кошмарное подобие танца.

Мальчик не задумывался, как они там помещались. Просто, когда до его сознания дошло, что именно он видит, то опустил глаза в ужасе. Он понял, что если всматриваться дальше, что где-то там, на вращающихся стержнях увидит и своих папу и маму. И отзвуком его страхов тут же на одной из пульсирующих спиц показалась женская фигура в белом хитоне. Годир задрожал всем телом и не закричал только потому, что кто-то из старших заметил его смятение и просто зажал ему рот.

– Работай молча, или завтра же тебя обменяют на какую-нибудь зверушку, – вечером наставлял Годира старик-прислужник. – Я понимаю, что ты увидел, но Небесные Гости сделали нашу страну хозяевами морей, дали мудрости, силы, оружия. Нас славят и боятся все народы. Ради славы отечества можно и потерпеть их причуды.

– Твоих родных тоже засунули в «паука» ради славы отечества, старый? – только и спросил Годир.

– Да что ты знаешь обо мне и о моих родных?! – старик, имени которого мальчик так и не узнал никогда, отвесил ему оплеуху.

Но на следующий же день Годир работал со стариком в паре. И тот шептал ему:

– Смотри, маленький тезка царей, вон там, у входа в зал Молний, постамент. Там хозяйка хранят вещи, дающие силу этой машине. Когда хрустальные сферы с жертвами всплывают вовнутрь, они подлетают к «пауку», как ты его называешь, он высасывает их и пустые выплевывает вниз, в ту разноцветную купель. И никто из Гостей никогда к ней не подходит – им это опасно... А сам «паук» с жидкими стенами – черный огонь скатали Гости в шар своей силой.

– Откуда знаешь? – обомлел мальчик.

– Я сам помогал им строить, – прошептал старик. – И, главное, я очень много чего терпел, ради славы страны и ради знания.

Жесткая ухмылка перерезала его незлое, уставшее лицо. И оно заиграло скрытой силой.

– А теперь слушай, маленький грубиян, не уважающий седины, паук стал слишком большим. Когда мы его строили, он был не больше солнечного диска в полдень. Сейчас, ты сам видишь... Но Небесные Гости не замечают того, что видят простые местные люди... Знаешь ли ты как быстро добраться к порту? – неожиданно сменил старик тему. Так мальчику показалось сначала. – И достаточно ли быстрые у тебя ноги? Ешь, сыны Атлантов должны быть крепкими. Даже такие вредные как ты.

Семь или десять дней старик отдавал Годиру половину своей порции еды. И рассказывал, рассказывал... По его словам выходило, что Небесные Гости пришли из мира, где светят другие солнца, где правят другие боги, и богов этих Гости ненавидят. Потому что их изгнали и многих убили. И только несколькими из Гостей удалось спастись, оказавшись на нашем свете. Но в мечтах они лелеют надежду вернуться и отомстить, потому что здесь, в нашем мире, обнаружили великую силу, сильнее всего волшебства их врагов. Обнаружить-то обнаружили, но как ей пользоваться – не могут понять, и теперь ищут того, кто из тварей нашего мира владеет силой.

– Когда они пришли, то были кротки и больше давали, чем требовали, – вздохнул старик, – но теперь, когда я вижу, как именно Небесные Гости ищут, сколько существ по их воле

не обретаю покоя, я думаю, что не напрасно их изгнали. И давно уже пора сменить им имя на Недобрых Господ. . . Ибо сила, данная ими нашему народу и нашим правителям, не просветлила наш разум, а лишь обласкала гордость. . . Но ты еще слишком мал, чтоб понять. . . Ответь, когда тебя ударят плеткой, на кого ты будешь сердиться: на плетку или на её хозяина?

– На хозяина, конечно, – Годир не понимал, к чему клонит старик, – а еще я бы вырвал плетку, если бы смог, и. . .

– Точно, мальчик. И потому знай: мы для них всего лишь плётка. Сломаемся – не жалко. Вот опять старик сменил тему резко, не к месту.

– У нас до прихода Небесных Гостей был обычай: если годы твоей долгой жизни тебе наскучили, то одеваешься в лучшие одежды и в самом веселом настроении прыгаешь в море со скалы. Обязательно с песней. Потому что радости и горя должно быть поровну. «Солнце и море, вы были в начале, солнце и море пребуду я с вами. Всегда» – пел старик гнусаво и нескладно. – Я раньше мечтал так сделать. А сейчас хочу, чтоб так сделали они. . .

Под бессмысленное бормотание старика Годир засыпал. А на утро всё повторялось: работа, шары, молнии, рассказ старика. . . Мальчик слушал, но думал о своём. Он замечал, что «паук» действительно растёт с каждым новым поглощением. Он замечал, что хозяева смотрят на него только из одной точки: от постамента и что-то там делают. «Колдуют», – ответил старик и снова забормотал о кораблях и прыжках в воду со скалы. И план Годира созрел сам собой.

– Дед, – сказал от однажды, – ты же не зря меня подкармливаешь и говоришь о красивой гибели по нашим обычаям. Ты хочешь, чтоб я что-то сделал, так либо скажи прямо, либо помощи в моей битве.

– Я даже не буду спрашивать, что за безумный план у малыша, – разулыбался старик. – Завтра из порта уходят финикийцы, лучшие мореходы, они знают лучшие скалы, где хочется спеть: «Солнце и море. . .» Там еще кормчий одноглазый. . .

На следующий день старик и мальчик зашли в зал Молний чуть раньше обычного. Хозяева даже не удостоили их взглядами. Всё внимание их было приковано к шару с новой жертвой: закутанным в мрачные одежды существом без лица, с гладким как яйцо черепом. Ни глаз, ни рта. Стоя у постамента, колдуны, числом семеро, водили руками так, словно поднимали шар сами, и сфера поднималась всё ближе и ближе к ненасытному чреву «паука». Существо внутри ее странно билось: двигалась только гладкая голова, а одежды летели за ней, как привязанные. «Паук» засветился красным, стрелы—полосы со стен отделились и, подчиняясь движениям хозяев за светящимся постаментом, опутали хрустальный шар как настоящие паучьи лапы, а потом превратились в молнии. Существо в шаре сходило с ума от боли, пока его еще можно было разглядеть. И Небесные гости, занятые своими наблюдениями, разделились: одни «поддерживали» шар на весу над бурлящим озерцем под «пауком», другие поднимали маленькие смерчи из этого озера. Те протягивали свои щупальца к запертому существу, и то беззвучно билось о прозрачные стены, в муках.

– Нет, – покачал головой один из колдунов, – похоже, и эта тварь, не то, что мы ищем. Обычный демон.

– Ну так в хранилище его, – отозвалась чернокожая колдунья, – или, может, сбросим его в портал, посмотрим, что будет?

– Лопнет и всё здесь забрызгает, а нам потом прибираться, – грубо засмеялся кто-то из остальных. – Сама пойдешь к этой дыре Межреальности. Не провались, смотри, к приятелям из Упорядоченного.

Все засмеялись, видимо, что-то было в шутке смешное.

Тем временем Годир встал за спинами Гостей, а старик спустился к бурлящему озерцу. На него пахло жаром, его брови и бородака задымились.

– А этот что тут делает? Пошел вон оттуда, безумец! – заорали на него Гости, – ты испортишь накопитель!

Но сделать что-то маги не могли, их руки были заняты – держали сферу и радужные вихри. А старик взял тяжелый багор в руки и улыбнулся своей кривой улыбкой.

– Пошел прочь, – кричали ему. Но любое движение не по плану отзывалось потерей контроля над молнией или вихрем. Волшебники, казалось, запаниковали.

Годир, стоящий сзади, за спинами магов, рванулся вперед, к постаменту, и что есть силы опустил туда тяжелый камень— голыш. Светящееся белым светом полотно постамент с изображением восьми разнонаправленных стрел, дало сеть маленьких трещин. Годир ударил еще раз и выбил кусок прямо из центра изображения. Затем схватил осколок, зажал в кулаке, и бросился к выходу. Маги же словно опомнились и разом опустив руки, взметнули их снова, чтоб волшебной испепелить дерзкого.

– Солнце и море, вы были в начале, – во весь свой скрипучий голос запел старик. Он захохотал, от души, радостно как ребенок.

Старый человек рубанул багром по телу «паука». Из его чрева посыпались прямо в жадные щупальца смерчей маленькие фигурки, сорванные с серебряных нитей. Небесные Гости забыли про мальчика, их лица перекосило ужасом. Черный огонь испарил багор в руках старика вместе с руками, но тот продолжал петь:

– Солнце и море, с вами я буду всегда! – и упал в бурлящее радужное озеро.

Получив столько пищи одновременно, оно взорвалось тысячей взметнувшихся капель, свившихся в струи, а потом в воздушные столбы, возвращая истинные размеры всему, что в нем оказалось. Огромные вихри взвились оттуда к потолку сферы и наполнились ожившими существами. И потянулись они к самим магам. Небесные Гости закричали в ужасе, и принялись творить охранную магию, но лишь больше распалили ею разбушевавшуюся материю.

– Не нашими заклятьями, – закричала черная Гостья. – Здесь они не действуют...

– Вспомни всё, что выучили у местных, – повторил за ней худой и очень высокий маг. Ему первому удалось чуть приостановить натиск метущихся смерчей. Чернокожая сделала несколько непривычных ей самой пассов руками, но остальные замешкались. Радужным вихрям хватило мгновений, чтоб кинуться на волшебников и, сметя их разбитый защитный постамент, засосать в себя кричащих НебесныхGuestей.

Они продолжали сражаться, налету накладывая одно заклятие за другим, борясь за жизнь и власть над вырвавшейся стихией. И все забыли о Годире, что есть духу несущемся к порту. На финикийский корабль, где правил одноглазый кормчий.

Зал Молний сотрясался могучими ударами. Еще и еще, снова и снова. Окружавшие его дома простых горожан рушились. Люди в ужасе метались по городу, корчившемуся в подземных судорогах. И через несколько часов непрерывных сильнейших ударов круглое здание разломилось, и гигантские черные смерчи вырвались оттуда. Они сметали всё на своем пути, всасывая деревья, людей и здания. А через мгновения исторгали лишь смятые обугленные обломки. К закату Атлантида была уже безлюдна и разрушена. Но из развалин зала Молний забил фонтан радужного цвета. Затем он стал всё увеличиваться и увеличиваться, разрывая саму землю острова. В гигантский провал падали скалы и останки зданий, деревьев. Разлом изогнул сам горизонт и гигантская волна хлынула в ущелье. А радужное сияние над ним всё увеличивалось, пока не засияло над всем погибающим островом.

Носившиеся в дикой пляске черные смерчи резко оторвались от земной, уже не твердой тверди, и поднялись в небо, прямо в эпицентр сияния. Их самих скрутило вместе как жилы гигантского каната, а потом, уже в зените, разорвало на несколько частей. И раскидало в разные стороны. Сияние над погибшим островом погасло.

Финикийский корабль с Годиром на борту попал в страшный шторм, но уцелел...

– ... Дальше ты знаешь, – вздохнула Мириам, – только вчера я рассказывала тебе, как столкнулась с этими черными смерчами.

Глава пятая

Кайно хмыкнул: значит, эти Небесные гости, складывающие существ в огненном «пауке», живые смерчи, утопившие друг друга, и кучу волшебного народа в нашем соленом море, а так же прекрасная Кали – слуги Хаоса. При мысли о вчерашней ночи снова заняла плоть. А мама – посланница великого Духа Познания из других миров, поставленная защищать от хаоситов вот эту смрадную лужу. Его мама, которая любит финики и рождению козленка радуется больше, чем гостям с ошеломляющими известиями о новых завоеваниях Рима или героической гибели защитников Масады? Она – воительница? Хранительница и защитница?

– Твой отец много путешествовал и много повидал, прежде чем мы встретились, – продолжила Мириам. Её глаза устремились вдаль, за горизонт, как всегда бывает, когда вспоминаешь что-то. – Он пришел как-то вечером, усталый, в сильно поношенной одежде, и с сумкой, полной странных вещей. Но поразил меня, конечно, его высоченный рост и сила, исходящая от всей фигуры Годира. Или это были собранные им хаоситские талисманы, – женщина попыталась пошутить, обычно так они мирились с сыном, если случалась размолвка.

– Тебе не трудно удивить ростом, – отозвался тот, – я уже сейчас на две головы выше тебя.

– Весь в папочку, – Мириам оттаяла, не замечая, или не желая замечать изменения в интонациях сына. Ей важно было выговориться, обосновать собственное пребывание здесь и сейчас в глаза единственного близкого существа во вселенной и для себя самой. – Он говорил, что атланты все высокие и способные к магии. Все тайные знаки, которые ты делаешь по моему наущению, передал мне твой отец. Моё волшебство осталось там, в прошлой жизни, – женщина кивнула в сторону моря. В твоих жилах течет кровь двух миров, сынок. Ты – особенный.

И тут же она с легкостью подскочила на ноги, уразумев что-то, что ожгло ее как молния:

– Да, особенный, продолжатель рода атлантов по отцу, хранитель живого по материнской линии. Так может быть ты создан Творцом, чтоб снять с меня эту ношу? Пойдем, мой сын, – тут она стала говорить степенно и торжественно, как жрица, – пусть сегодня откроется истина твоего пути и предназначения! Следуй за мной!

Кайно пошел за матерью, держа под мышкой голову-тыкву со сверкающим грузом. В его голове же всё смешалось и совсем не чувствовал он торжественности момента, которым почему-то прониклась мать. Она ступала по песку и соли легко, изящно обходя валуны. Он же – тяжелой поступью, замечая черную грязь у линии прибоя и едва перенося серный запах. Но слушаться матери не смел.

Солнце нещадно палило. За разговорами люди не заметили, как перевалило за полдень и марево повисло над морем. Синева воды, ее сверкание казались Мириам необычайными, торжественными сегодня, Кайно же молчал и страх закрадывался в его сознание. Мать собиралась делать что-то с ним? Что именно?

Остановившись на самой кромке воды, женщина велела сыну встать рядом и подать ей голову чудовища.

Кайно подчинился, но соляная корка предательски трескалась под его ногами. Он ковылял совсем не так величаво, как представлялось матери. Когда же он передавал ей трофей, то Мириам заметила легкую дрожь в его руках. Улыбнулась ободряюще. Его же ответ больше походил на гримасу.

– Да установится равновесие, – возгласила женщина, протянув вперед, к морю злоеущую «тыкву». – Да явится истина и откроется путь, – это она уже шептала. Затем, взяв голову чудовища в одну руку, в другой она сжала руку сына и двинулась в глубину моря.

Вот она в воде по колени, вот по пояс. Кайно следовал за матерью, но дрожал всем телом. Женщина зашла в соляной раствор по грудь. Только тут Кайно заметил, что ее одежда не пузырится, не задирается, а торжественно обволакивает тело, словно и не в соленом море

идет мать. В соленом настолько, что его, крепкого высокого парня уже выносит вверх. Он едва достает ступнями дно, хоть воды всего по пояс. Вот Мириам уже в воде по плечи, по шею. Вот она отпустила руку сына и обернулась:

– Иди вперед, дитя моё, и пройди этот путь впервые, впервые отдай пучине злое, чтоб сила Хаоса не превозмогла силу Порядка. Соль удержит всё, и равновесие придёт в покое.

С этими словами женщина вынула из воды сильно уменьшившуюся, и даже уже дымящуюся, пузырящуюся и исходящую бледной пеной, трофейную голову. Её содержимое же по-прежнему сияло и искрилось на солнце.

–Иди. Опустит нечистое на дно моря, – пояснила Мириам растерявшемуся Кайно.

Тот сделал шаг еще вперед, но дно ушло из-под ног и он поплававком завис в воде. Сделал еще усилие, протянул руку, выполняя материнский приказ, и с силой зашвырнул мерзкую разлагающуюся штуку подальше в море. Он один знал, сколько усилий ему стоило простое движение в волшебной воде. Но еще больше мужества понадобилось, чтоб поднять на мать глаза, а затем выдержать ее взгляд. Изумленный, полный недоумения.

– Зайди в воду дальше, Кайно, – уже не приказывала, просила она. – Пройди по дну, как я.

– Не могу, мама, – горько услышать такое в ответ. – Похоже, ходить по дну – не мой путь.

Мириам подбежала к опустившему плечи сыну. Подбежала совсем просто, словно не в плотной воде находилась. Обняла, взяла за руку.

– Без паники, попробуй еще раз, сынок, – она была уверена, что он сможет, что получится и тогда... – Зайди поглубже, подожди ноги и представь, что ты глубоко. Что лучи солнца пробиваются через зеленую поверхность и путаются в твоих волосах. Выдохни и...

– Да не могу я, мама! Не могу! – закричал Кайно. Потом совладал с собой и добавил тихо: – И не хочу, если честно.

Мириам ничего не успела спросить. Слова полились из сына сами. И каждый был подобен камню:

– Я не хочу вот так. Всю жизнь я жил у этого моря, где даже легких волн не бывает, не то что штормов. Жил среди пальм и коз. Тихо, как будто и не жил. Мама, я глубокий старик по меркам местных, а не видел даже, что на том берегу. А сейчас я должен сменить тебя и на вечность приковать себя к этим серым валунам и соленой жиже? Я не жил еще, мама, а ты хочешь, чтоб я утопился!

И с этими словами Кайно заковылял на берег. Неуклюже размахивая руками, оступаясь и брызгаясь отчаянно, он выбирался из опостылевшего моря, словно зло сражаясь. Капли попадали в лицо и нещадно щипали, он едва успевал зажмуриваться, чтоб сберечь глаза. Жгло кожу невыносимо, но горечь еще больше мучила Кайно. Каждый шаг давался ему с трудом, но никогда еще он так не стремился прочь от матери. Ошеломленная, Мириам бросилась за сыном. Синему морю было всё равно, только разом забурлили все серные источники у берега, да громко лопнул большой черный грязевой пузырь за валуном.

На суше Кайно легко оторвался от матери: каждый его шаг – четыре ее. По мокрым следам в их жилище Мириам поняла, что сын спешно собрал вещи: взял воды, фиников, сыра, еще какой-то нехитрой снеди. Не досчиталась она одного верблюда и кривой сабли, что прятала в одном из сараев. «Я надеялась, что он не знает, наивная», – отчитала она себя. Но горше всего ей было увидеть на выходе из их оазиса запыленный золотистый пояс, расшитый дубовыми листьями и бледно-желтыми камнями...

Кайно же не плакал больше. Нахлестывая верблюда, он то и дело задевал рукой завязанную в лоскут горсть драгоценных камней – остаток от просыпанных сокровищ чернокожей Кали...

И снова был вечер, и снова солнце садилось в море. И снова Мириам ощутила беспокойство где-то в глубине сознания, как ощущает мать, что в соседней комнате ребенок вот-вот проснется. Легкая нервозность охватывала ее всегда, когда к оазису двигались путники. Пусть

их еще не было видно, но остатки охранных заклинаний и сигнальной ворожбы, поставленных ею в первые же дни появления на Terre (местные называли свой мир Землей), срабатывали.

Сейчас, после стольких лет жизни у соленого моря и бесчисленных погружений в его мертвую пучину, Мириам уже не смогла бы выставить столько заслонов. Местные волшебники могли купаться в соленых водах обычных морей, но здесь соли было столько, что любое колдовство блокировалось мелкими бурями кристаллами. Дар Мириам, иная кровь, рождение в Упорядоченном делали ее уникальной, но... Но каждое омовение в море, каждый обряд в нем вымывали магическую силу их хранильницы. Она не становилась слабее, просто волшебство ее родного Хьерварда смывалось в плотных водах как чужое, и нужно было заменять его новым, местным, постоянно учась у неслучайно приходивших путников. Или становиться бледной тенью Девы Лесов, когда-то брошенной Столпом Третьей Силы в маленький закрытый мир, согретаемой надеждой вернуться в свои рощи когда-нибудь, совершив искупительные подвиги.

Но чем дольше жила Мириам на Terre, тем меньше ей хотелось подвигов. Решимость, жажда свершения, ведущая вперед, сметающая на пути любые препятствия, как огненная струя из пасти дракона, постепенно превращалась в теплый уютный свет очага, зовущий остановиться, оценить тишину текущего момента с его покоем и простыми радостями обыкновенной жизни. Мириам попала в ловушку покоя, совсем не прост оказался путь к хьервардским дубам и выслан не одними лишь битвами. Особенно после того, как родной сын покинул ее в поисках битв и приключений, Хранильница поняла, что стала слишком дорожить размеренным и тихим образом жизни. Перистые листья пальм закрыли своей тенью задачу хранить. Служение забылось за смирением.

«Да, – призналась она себе, когда слезы расставания с сыном просохли, – я хотела бы, чтоб он заменил меня на посту. Чтобы освободил от ноши. Я не подготовила его, не объяснила всего, но потребовала подчинения. Так обрадовалась, что вот сейчас, по слову Орлангура, сменил меня некто с таким же даром, а я буду свободна. Стану просто возделывать свой финиковый сад, если Золотой Дракон не отправит меня в мои хьервардские рощи. Желания сына я не спрашивала».

– Родители редко замечают, как вырастают дети, если только эти дети не чужие, – мысли прервал низкий мелодичный голос. Высокий крепкий мужчина в зеленой одежде присел рядом. – Но утешься, Хранильница. Человек сам выбирает свой путь из множества приготовленных.

– Я снова не справилась, Великий...

– Открою тебе тайну, – четыре пары зрачков смотрели на женщину как всегда бесстрастно, но... – выбор делается не однажды. Пока жив – можешь выбирать. А вот потом...

– Ты даешь мне надежду, Золотой Дракон, – Мириам должна бы радоваться, но она оставалась серьезной. Не первый раз надежда, поданная Орлангуром, оказывалась совсем не той, на которую рассчитываешь. Слишком не однозначно каждое слово Духа Познания. – Если я обрела благоволение в твоих всезнающих очах, то скажи, где мой сын, что с ним? Уже полгода как он ушел. Уже полгода как я пытаюсь его найти. Я знаю только, что он ушел на закат, но как ни старалась, не могу увидеть его и помочь – не действует ни одно из известных мне заклятий...

Легкой золотистой дымкой на мгновение окуталась могучая фигура гостя.

– Он у твоих врагов, – всё так же без эмоций произнес Дух Познания, – у той, из чьих объятий ты вырвала его. И ему хорошо.

Сияние исчезло. Хранильнице оставалось только сжать до хруста тонкие пальцы или попытаться укусить локоть. С таким же чувством она могла бы принять весть о гибели сына. Ясно теперь, почему не видит мать Кайно, как не накладывает заклятья поиска: словно жухлые листья отлетают они от мощной защиты чернокожей ведьмы. Уж она — то хорошо изучила все

местные приемы волшебства, пока маленькая женщина с побережья Восточного моря растила ей живую игрушку!

– Вера отцов – не вера детей, – прошептал Орлангур на ухо Мириам. – Отвечай за себя, вот совет для обретенной благодати в моих восьми зрачках. Мир Терры на пороге перемен. Мне открыто, что такого еще не было ни в одном мире Упорядоченного. Но как самое великое всегда это произойдет почти незаметно. Я хочу спросить тебя, бывшая Дева Лесов: помнишь ли ты еще, для чего ты поставлена здесь?

И с этими словами Золотой Дракон исчез.

Не оставил загадок, еще больше лишил покоя. В чем цель его таких появлений? Мириам хотела бы обдумать все в тени пальмового навеса, но охранные заклятья звенели в голове так, что не возможно было отмахнуться от них. Пришлось встать и идти к выходу из зеленой ложбины, чтоб закрыть ее от посторонних глаз, выставив волшебные знаки приглашения для избранных. Тень невидимого сокола уже парила над пальмовой рощей. Под сенью его волшебных крыл ожидала хранительница: друзья или враги подойдут к ее оазису.

Небольшой караван приблизился к зачарованному входу в ложбину. С десятков верблюдов с поклажей, семеро путников, считая проводника. Уверенно подошел он к прикрытому знаками входу. Коричневый сокол сделал круг над караваном и присел на руку к погонщику.

Уставшая удивляться Мириам разглядывала гостей. Трое – в незнакомых одеяниях чужеземцев. При каждом – слуга. Не похожи один на другого ни видом, ни одеждой. Разнятся по возрасту. Говорят друг с другом на одном языке, но с со слугами и проводником – на разных. Он велел слугам спешиться и вести животных в поводу, а сам поклонился женщине:

– Почтенная хозяйка источника, позволь отдохнуть путникам в тени твоих пальм. Мы щедро заплатим за воду и кров. Хочешь – золотом, хочешь – новостями.

– Долг имеющего источник в пустыне делить ее с жаждущими, радость – принимать словоохотливых гостей, – произнесла заученную фразу Мириам. – Как нашли вы мой скромный приют?

– Привел нас коричневый сокол, выращенный в питомниках почтенного Годира, – ответил тайной фразой проводник. – Вот знак его родословной.

Проводник подал хозяйке фигурку сокола, вырезанную из черного дерева. Знакомая сила исходила от нее, Мириам не могла не узнать: такой же носил на шее отец ее Кайно.

– Не будем же беседовать на пороге, ибо веселей и приятней говорить в тени и отдохнув, чем на жаре и уставшими. Проходите, путники, – пригласила хозяйка.

Как и следовало ожидать, вечером, в прохладе, состоялся важный разговор. Четверо мужчин, утомленных пустыней, с обожженными солнцем лицами сидели у огня, поддерживаемого маленькой женщиной. Трое слуг и погонщик. Господа их мирно спали после долгого перехода, устав от жары, дороги и умных мыслей, ибо были учеными мужами-звездочетами, как следовало из дневных разговоров. Эти светлые головы искренне считали, что едут по собственной воле в сопровождении верных слуг в одну из дальних и опасных провинций Римской империи, и ведет их блуждающая звезда на небосклоне. Обложенные поклажей и скарбом, прижимая к груди резные ларцы с драгоценными дарами (у каждого – свой), ученые мужи и думать не могли, что у тех, кто подносил им воду и помогал взобраться в седло, были свои планы на эту поездку. Каждый из троих молчаливых слуг годами дожидался этого путешествия. Обрывками фраз, намеками и пустячными на вид знаками, готовили они отправление каравана по воле хозяина в сторону Восточного моря. Они подбирали место и время, подгадывая попутчиков и погоду, сочетая тысячи мелочей и поводов, чтоб здесь и сейчас четверым мужчинам собраться у огня в маленькой зеленой ложбине, у костра, который разожгла хрупкая немолодая ханум.

Трое слуг и проводник не похожи друг на друга. Один – северянин, светловолосый и светлоглазый, с трудом переносящий жару, его нос обгорел и шелушится, но даже закутанный в одежды бедуинов, он подпоясан обережным поясом, плетеным из красных, белых и черных

нитей с крупными кистями на концах. Смотрит дерзко, но держит себя в руках. «Походил бы на эльфа, если бы не веснушчатая кожа», – подумалось хранительнице.

Второй – чернокожий как и его хозяин. Кривой меч, свободные штаны да кафтан из льна – вся одежда южанина. Пожалуй, и ее-то много для него. Его лицо, толстогубое, широконосое, раскрашенное узорными татуировками, рассекает наискось белесый шрам. Глаз, похоже, уцелел только чудом. Не поймешь по такому лицу, что замыслил его хозяин: ждать ли удара или рукопожатия. С недавних пор хозяйка оазиса опасалась темнокожих гостей.

Кожа третьего гостя казалась оранжевой в свете костра. Видно, что свободные одежды путника пустыни тоже ему не привычны. Конусообразная соломенная шляпа защищает его лицо – он не сменил ее на привычные местные повязки. Человек меньше всех других, почти совсем без волос на лице, сухопарый, даже тщедушным показался бы, если бы сама Мириам не была маленького роста.

Только бородатый караванщик не удивлял внешностью женщину – много таких просило напиток за сотни лет у источника. И получалось, что все они, и не только они, а многие, многие силы сходятся узлом в маленьком месте у Мертвого моря.

– Так или иначе, каждый из нас встретил на жизненном пути круг из стрел и коричневого сокола. Пришлось ли пройти через потерю близких или стать изгоем на родине предков, но каждый столкнулся с магией нашего мира и запредельной. И каждому было дано знание о Равновесии, о Хаосе и о месте, подобном середине весов. Ты – хранительница этого места и к тебе мы обращаемся, ибо знаем о даре твоём...

– Стойте, – высокопарную речь прервал гортанный голос темнокожего гостя, – та ли она, о ком мы знаем? Я представлял себе богиню, сильную, прекрасную, грозную и мудрую, а вижу одинокую грустную женщину под пальмами.

– А разве мало тебе слов последнего атланта, к которому тебя привели силы и поиски? – парировал погонщик.

– На его слова я и опирался, но есть у меня еще и своя голова на плечах, – парировал черный гигант. – Или в моем ясном уме ты сомневаешься?

– Может, я тоже сомневаюсь, – северянин подал голос. – В твоём ли уме или в силах этой ведуньи.

– Пусть пройдет испытание, это не сложно, если мы не ошиблись, – желтолицый пришелец поднял голову и свет костра упал ему на сухую шею и голый костистый подбородок. – Принеси мешок, уважаемый, – это он уже караванщику.

Лишь на пару минут отошел из круга света переводчик, а как неуютно стало Мириам под жесткими взглядами трех посланцев. И не только недоверие почувляла она: долгий путь в пустыне в одиночестве тоже давал о себе знать. Плотское желание исходило от каждого из мужчин, с разной силой, но от каждого. Страх холодным комом встал за грудиной женщины. Идти с мечом на синего монстра Султану было не так жутко, как стоять под раздевающими взглядами троих мужчин, и несознательно Мириам засветила маленький шар на ладони: простейшее из заклинаний, которые осваивают первыми. Шарик получился хиленький, невзрачный, не больше сушеного финика. Он завис над безымянным пальцем женщины, как перстень.

«Разучилась или сил не хватает? – с тревогой отметила она про себя, – у местных такого не принято». Но появление светящегося шарика не произвело впечатления на мужчин. Может, они его даже и не заметили. Мириам зажгла еще один, уже на левой руке, на указательном пальце. Спокойнее не стало. Запах животного желания не уходил. «И на дворцовые манеры рассчитывать не стоит, – отметила про себя женщина, сделав инстинктивно маленький шагок назад. – Что за испытание придумали они, о, Орлангр?!»

Но появление караванщика отвлекло. Он принес холщовый мешок и кинул его на песок к ногам гостей. Северянин запустил туда руку и достал круглую пластину с непонятной руной в центре.

– Если ты та, за кого тебя выдает наш проводник, определи, что это, – он протянул Мириам вещь. Та взяла, и уже невозможно было не заметить огненных шаров на тонких пальцах.

– Это белая глина и лапа лягушки в ней, – голос бывшей Девы Лесов почти не дрожал, – зачем ты принес ее мне, синеглазый? Это просто глина, в ней нет магии.

Северянин прикусил губу. Слова или маленькие молнии утихомирили его. Зато из-под бамбуковой шляпы проскрипело:

– Найди сама, женщина, что принес я, и что за сила в нем.

– Ты не почтителен к хозяйке, – сверкнул глазами проводник, – она дала нам воду и отдых.

Но Мириам знаком руки остановила заступника:

– Я и так вижу, что то, что хотел отдать гость не лежит в мешке. Он носит под своей шляпой шелковую ткань с десятью волшебными знаками. Приложить ее к любой ране, боевой ли, сердечной или магической – и исцелит.

Шляпа закивала в знак согласия. Что-то вроде довольной улыбки проскользнуло по лицу ее хозяина.

– Скажи, какого она цвета, – вмешался снова северянин.

– Прозрачного, – улыбнулась ему Мириам, – знаки словно парят в воздухе.

Нечего было возразить.

– А что ты сделаешь с моим амулетом? – темнокожий гость достал из мешка большой рубин. – Он стоит тысячу человек и десятков волшебниц.

– Я опущу его на дно соленого моря, – стараясь быть спокойной, сказала женщина. Отсветы ее молний играли в гранях камня и она увидела там снова пожар. Но не деревья гнили в огне, а люди, похожие на гостя. – И когда соль коснется его, сила огня, спрятанная в камне, больше не выйдет оттуда. И ни одна из деревень твоей родины не погибнет больше по вине пришельца с рубином.

– Ты безумствуешь, колдунья! – закричал чернокожий гигант, выхватив саблю, – как можно просто выбросить в море такую силу?! Ты хочешь завладеть моим рубином, но я не позволю!

И в прыжке он замахнулся на Мириам. Синеглазый северянин выхватил свой клинок и отразил удар, задержав нападавшего.

– Делай свое дело, хранительница, – крикнул караванщик и тоже вступил в схватку с разъярившимся гостем.

Мириам бросилась прочь, сжимая рубин в руках, но вслед ей полетели острые звезды из стали. Это человек в шляпе молниеносными движениями отправил за ней смерть. Одна из кованных звезд вонзилась женщине в плечо. Две других она успела отвести, простым охраняемым волшебством. Но бежать к морю стало тяжелее, паралич охватывал правую сторону тела, где вошла сталь: «Яд!», – догадалась хранительница. Вырвав звездочку, Мириам произнесла укрепляющее заклинание – его должно было хватить на десятерых, но в этом мире ни в чем нельзя было быть уверенным до конца. И действительно, яд вышел, паралич прошел, но боль не утихла.

Мириам слышала звон клинков и сдавленные звуки. Двое на двое бились ее недавние гости. Защитникам приходилось отступать, отдавая пространство шаг за шагом. Незнакомая техника боя давала нападавшим преимущество. Черный воин уже без оружия – северянин выбил его кривой клинок – наносил молниеносные удары ногами, кувыркаясь и подпрыгивая, как акробат. Останавливал голыми руками лезвия мечей желтокожий. Ему и оружие-то не нужно было: сухие ладони работали, как дубинки. Двое чужестранцев словно исполняли танец смерти в ритме, который слышали сами. И защитники слабели, получая неожиданные

тупые удары, но держались. Коричневый сокол, привязанный под навесом, бил крыльями и клекотал, что есть силы.

«Что я могу сделать с этими молниями с наперсток? – в отчаянье подумала женщина, видя, как отходят ее защитники. Вот проводник уже упал на колено, но не выпустил саблю. – Но не время колебаться. Это всегда меня подводило!» И размашистым движением она вбросила шарик с правой руки прямо в центр дерущихся. Еще взмах – и полетел другой!

Расчет был прост: пусть один – это маленький взрыв, но два хотя бы отвлекут нападающих, ослепят на время. Но вместо этого, две маленькие шаровые молнии в полете увеличились в размерах, и каждая разделилась еще на четыре! Восемь золотых шаров ударили в песок, раскидав воинов. Но хранительница этого не видела. Она что есть духу бежала к морю.

Добежав, произнесла уже без пафоса слова про соль, путь, истину и продолжила бег уже по дну моря. Футов триста – и оставила рубин прямо под ногами. Тот медленно опустился на песок и тут же погасли отблески смертоносного пламени в его чреве. Покой охватил Мириам. Одновременно она ясно почувствовала, что там, в глубине, в которую она раньше не заходила, спрятано еще что-то. И готовая к встрече со смертью, она вышла из воды.

На берегу ее ждали четверо. Все преклонили колена и склонили головы. Ни следа от бывлой заносчивости или недоверия, а вождение стало благоговением.

– Прости нас, хранительница, – первым заговорил темный великан. – Прости за недоверие и суровое испытание, богиня. Прости, что наши средства проверки оказались такими тяжелыми. Оправдывает нас только верность главной цели.

«Вечно я мокрой выслушиваю судьбоносные речи», – с досадой подумала Мириам, выход из воды. Желания отвечать не было.

– Золотой дракон посмотрел на нас из молний, которые ты метнула в гнев, – вторил оказавшийся лысым второй гость. Свою соломенную шляпу он снял в почтении и держал в руках. – Позволь тебе оставить в дар целительную повязку, чтоб исправить оплошность, что сделана мной в бою.

«Я бы и сама вылечилась, но соль щиплет рану», – повела плечом женщина. Говоривший воспринял ее молчание как согласие и протянул окованную изнутри по окружности тонкой полоской стали конусообразную шляпу. Тонкая лента с десятью черными рунами лежала там. Мириам подивилась только, что гость не пустил в ход свою шляпу как оружие, когда метнул ей в след шипастые звезды. Он, видно, полон неожиданностей.

Северянин же просто смотрел на хранительницу, и уже не было дерзости в его взгляде.

– Каждый из нас в своей стране знает толк в волшебных предметах. Как и то, что дают они силу и злomu, и добromy. То, что лечит в одних руках, в других становится смертью. И даже добрых сердцем власть и сила могут делать жестокими. Мало кто из людей может вынести искушение, обладая магическим предметом, – чувствовалось, что северянин знает, о чем говорит.

– Потому мы собрали каждый в своей стороне света единомышленников, чтоб скрывать от алчных глаз и нетвердых рук волшебные талисманы, – закончил за него караванщик. – Годир, последний из атлантов, рассказал о тебе и твоём даре, прежде чем уйти к своим родичам навсегда. И мы поняли, что теперь знаем, как укрепить равновесие сил в мире. Будь жрицей нашего Ордена Равновесия! – и остальные тоже закивали в согласии.

– Мы не встанем с колен, пока ты не согласишься, – с жаром начал было северянин, но Мириам прервала.

– Только одно условие, господа, – удивительно спокойно даже для самой себя проговорила женщина, – не убивайте, если есть хоть малейшая возможность. Пока человек жив, он еще может сделать выбор в сторону добра. Так мне сказал тот, кто знает...

Ответ родился сам собой и хранительница, а теперь жрица Ордена Равновесия, знала, что поступает правильно и наконец-то, за многие-многие годы не испытывала никаких сомнений. Только надежду.

И однажды она услышала:

– Ну, здравствуй, мама!...

Часть вторая

Кали

Глава первая

– Я устал, – Кайно потер глаза, – притупились все чувства. Столько лет борьбы, хочется уже и результата. И покоя. – Солнце слепило, отражаясь от выбеленных плит внутреннего двора. Фонтан в центре умиротворяюще журчал. Но приторно пахло жасмином. Откуда его только несет? Ведь терпеть не могу этот тошнотворно-сладкий запах...

– Обещаю, что сегодняшний бой будет последним, – голос Кали звучал по-прежнему чарующе, хотя много лет Кайно слышал его только в мыслях. Еще не одна сотня человек слышала этот голос, и потому волноваться не стоило: в голове не шизофрения, а магия. Восемь стрел Хаоса на теле – надежное обеспечение связи с повелительницей. – Я сама устала, но если получится, то завтра на рассвете я буду в твоих объятиях во плоти. Как в первый раз. А чуть позже – нам с тобой вообще не нужно будет плоти, любимый. Истинная свобода, бессмертие Хаоса! – Вместо Кали другая женщина присела рядом на низкий, заваленный узорчатыми подушками диван. Сама раскурила кальян, вдохнула ароматный дым первой и молча протянула мундштук мужчине. – Попробуй, это новый сорт, – Кали шептала, словно была здесь лично, а молчаливая гурия улыбнулась белозубой улыбкой, невероятно яркой на фоне ее черной кожи, так, что никто не смог бы отказать. Ее силуэт на фоне марокканских занавесей казался знакомым. Мужчина сделал глубокую затяжку. И чуть не задохнулся: вот откуда невыносимо несло треклятым жасмином! Но зелье Кали действовало мгновенно, с первого вдоха.

– Сэндей прилагается бонусом к новому сорту, делай с ней что хочешь. Или расслабься, она сама всё сделает. Освежит твои чувства, – прозвучало в голове. Как по команде, а может так оно и было, женщина чуть подалась вперед и под вышитой прозрачной галабеей зазывно колыхнулись зрелые прелести. Еще мгновение и Кайно ощутил как прохладная рука лежит у него на затылке. Потом женщина отдернула руку и сквозь истому и туман сознания, вызванный зельем, он осознал, что ласкают его уже совсем в другом месте. Да, было бы хорошо, как обычно. Если бы не этот приторный запах жасмина, который душил, душил, душил...

– Всё, что захочу? – вслух спросил Кайно.

Сэндей молча кивнула, «Да!», ответила Кали. И Кайно сомкнул пальцы на горле женщины и держал, пока она не перестала биться.

– Истинное бессмертие, без плоти, без ограничений, – дурман прошел. Злость и досада охватили Кайно. – Почему она не кричала? – вопрос был к Кали.

«Ты вырвал ей язык еще раньше, – был ответ. – Это ее добровольная жертва богине Познания. Мне то есть. Не помнишь?»

– Нет, – отрезал Кайно. И поднялся с дивана. Перешагнул через тело. Расшвыривал подушки и переворачивал узорчатую мебель, обрывал в ярости дорогие занавески и вышвыривал вазы вглубь двора. Наконец нашел то, что искал: дешевенький мобильник и сделал звонок:

– Абдулла, собирай друзей, мы поедем в гости к моей матери, отпразднуем день рождения, – хриплый смех на другом конце еще больше разозлил Кайно. И выругав Абдуллу самыми заковырыстыми арабскими ругательствами (операторы мобильной связи обожают так много говорящих клиентов!) он добавил: – Моя мать всегда ждет сына и всегда готова встретить его друзей. Возьмите самые дорогие подарки! Едем к ней в последний раз!

Мужчину уже совсем не волновало, что на террасе лежит бездыханный труп, а на роскошной вилле – бедлам. Подойдя к резному позолоченному шкафчику, Кайно достал оттуда старинный сине-черный кривой меч со светящимся клеймом на рукояти. Маленький ручной гранатомет решил не брать. Последнее, что он сделал, уходя, так это разбил кальян о стену. Ему хотелось пожара.

Как только стихли нетвердые шаги, а по террасе поползли струйки дыма от рассыпанных углей, тело под вышитой кисеей дернулось. Судороги пошли по всем конечностям, согнулись все суставы разом и резким движением труп перевернулся на живот, затем встал и пошел походкой куклы-марионетки.

Голова на сломанной шее дергалась в такт каждому движению, одна сережка потерялась, а вторая задралась наверх и неуместно посверкивала. Нежить с перекошенным от удушья лицом наощупь передвигалась в сгущающемся дыму. Невидящие глаза бесцельно блуждали по комнате – тело явно подчинялось чьим-то командам извне. Восемь стрел Хаоса зеленым огнем сияли на предплечье убитой.

Тело натыкалось на мебель, но явно знало, куда идти. Целью был маленький тайник в углу задымленной комнаты. Огонь уже расплзся по коврам, сияясь лизнуть шторы. Умертвие добралось таки до нужного места и скрюченными пальцами выцарапало из стены нужный камень. Сорвав ногти и оцарапав кожу, труп запустил руку в узкий открывшийся лаз. Браслеты на руке впились в плоть, кость хрустнула в нескольких местах, но вместе с жизнью из тела уходит и боль. Зажав в искореженной руке свою добычу, мертвая марионетка двинулась к фонтану. Пожар всё разрастался, и занавески уже пылали, позволяя огню взбираться выше, на крышу. С треском кусок раскаленного пластика из проводки отлетел в сторону трупа. Волосы на ней вспыхнули мгновенно, ткань галабеи задымилась и потекла, обнажая начавшую обгорать кожу, но тело не прервало движения и не выпустило ношу.

Уже пылая, оно добралось до фонтана, рухнуло в воду, придавив собой маленькую, размером две ладони самодельную куклу: приклеенные курчавые волосы, явно настоящие, смуглая кожа, черные глаза и одежда нежно-зеленого цвета. Хозяин виллы, Кайно собственной персоной.

Приехавшие на пепелище пожарные обнаружили помимо прочего в маленьком дворцовом фонтане почему-то с соленой водой обгоревший труп темнокожей женщины, но решили ничего не трогать до приезда полиции. Та к месту несчастного случая не спешила. Кукла от воды размокла и разломилась на несколько частей...

Кали билась в своем саркофаге, спеленатая магией, как мумия бинтами. Ей всё труднее удавались сеансы управления телами. Сил, и без того таящих с каждым годом, уходило на каждую манипуляцию всё больше. Отвратительная дрожь терзала тело после каждой такой процедуры, а времени, чтоб восстанавливаться нужно всё больше с каждым разом. Свежее жертвоприношение помогло бы или лучше глоток из источника силы, который охраняет старая карга у мертвого моря. Сама не пьет и других не пускает, ведьма! Загубила столько амулетов за две тысячи лет, что хватило бы до пришествия Хаоса, и сидит там на своем могильнике магии, костями трясет!

Дрожь потихоньку отпускала, усилием воли Кали умирала ее – не хватало только еще тратить силы на злость! В конце концов мир Терры – это мир людей, а не мир магии. Почти все силы Упорядоченного здесь – пшик, не работают, а местные – слабые. Когда Кали это поняла, то сделала ставку на телепатию и интриги и не ошиблась. Даже из тюрьмы-саркофага она смогла управлять обращенными людьми. А где все те любители амулетов из сил и материй?! Где Локи, Схарм, Шахряр и другие?! После второй катастрофы их даже не слышно в этом закрытом мире. «А я жива, – уговаривала себя Кали, – жива и найду как выбраться! Некому мне помешать!» Богам Равновесия на Терру хода нет, Столпам Третьей Силы до нее нет дела, а со старухой и ее орденом до сих пор успешно справлялся любимый боевой голем – Кайно Казифи.

Больше двух тысяч лет он исправно работал, нужно было лишь вовремя подкармливать его свежей кровью, плотью и зельями. Но сейчас он выработал свой резерв прочности: устал. Пора его сменить. И выполнить свое обещание – как бы ни закончился бой сына с матерью сегодня, для Кайно он точно станет последним. Не зря же Кали столько сил потратила, чтоб руками жертвы утопить куклу вуду. «Пусть человечешко делает свою работу, а результат я использую по ситуации», – Кали сосредоточилась на мысленном наблюдении за Казифи. Хорошо хоть телепатия на этой треклятой Терре работала даже лучше, чем вовне, без переговорных залов и эритовых обручей...

Глава вторая

...Группа богатых иностранных любителей экстремальной экзотики подобралась что надо. В меру выносливые, в меру глупые обитатели офисов, заработав денег на производстве того, чего нельзя уронить на ногу, решили потратить их в поисках того, чего нет. Им хотелось «экзотерических чудес» Тибета. Да-да, так она тетка из группы и сказала: «Экзотерических чудес! Скрытых мест древней буддисткой силы! И чтоб не хаваное еще!»

Последнюю фразу Мэй поняла с трудом, ее английский был не настолько хорошо в слэнговых оборотах. Но основная мысль вырисовалась ясно: эксклюзивных впечатлений. Чтоб неизвестности побольше, и чтоб не как у всех! Мэй любила работать с таким контингентом. Нравилось придумывать истории для них, перемежая правду и вымысел, настоящее и ожидаемое, и вообще у нее была врожденная склонность делать то, что принято называть «шоу». Потому они с дедушкой Ло по стандартной программе для вида поорали друг на друга на местном диалекте, дедушка гневно повращал глазами и подергал себя за седую бороду, поразмахивал руками на суетно отвешивающую поклоны Мэй и вышел, хлопнув дверью. Свои сто юаней отработал.

Мэй с печальным лицом подошла к ожидающей пестрой группе.

– Учитель Ло разгневан вашим желанием и говорит, что вы одержимы гордыней. Идите, как и положено людям, к Ямдрок Цо и обойдите его кругом, чтоб получить благословение, оставьте там свои желания и не думайте, что можно купить чудо, спрятанное от посторонних, всего за пятьсот юаней.

Затем Мэй отвесила церемонный поклон:

– Я прошу прощения за речи учителя. И готова вернуть деньги, которые вы дали задатком.

Большинство туристов разочарованно загудело и потянулось за деньгами. Но пятеро остались, совещаясь между собой. И Мэй внутренне заулыбалась: «План сработал. Наживка проглочена». Теперь нужно правильно сыграть. И женщина, поклонившись еще раз, развернулась, чтоб уйти. Обычно она успевала сделать не больше десятка шагов, как ее окликали. Конечно, Китай многолюден и все его жители европейцам на одно лицо, нельзя потерять из виду будущую проводницу! В этот раз ее даже за рукав бесцеремонно схватили. Та самая любительница «экзотерических чудес».

– Мэй, а если мы удвоим цену?

– Нет, не меньше чем в пять раз... И то я сильно рискую, учитель Ло меня проклянет и сдаст китайской полиции. Лучше езжайте по новой дороге к Ямдрок Цо, – и Мэй снова попыталась уйти.

Стандартная фраза, стандартное предложение, стандартная цена, стандартный отказ... В конце концов, после беготни и совещаний с другими желающими обе стороны сошлись на тройной цене с носа. Обе стороны при этом считали, что отлично наварились. Права была, конечно, Мэй. Она же велела приготовиться к походу серьезно и тайно, сводила пятерых алчущих в маленький храм в одном из далеких кварталов Шанхая, в одной ей известных лавочках

велела закупать амуницию и амулеты. И помогла соседям по дому, в котором снимала жилье сама: заставила своих подопечных приобрести по шелковому отрезу в их лавке, мол, понадобится в священном месте. А себе выторговала красное кимоно, как в китайских фильмах о феях и героях: давно такое хотела.

Аккуратно сложила его в походный рюкзак, рядом с шерстяным свитером и горными ботинками.

– Никак без него не обойтись, я смогу только в такой одежде умиловить духов, – шепнула она любопытной «экзотерической» туристке. И сделала страшно-таинственное лицо. – Держите свой шелк наготове! – Та закивала с видом заговорщицы.

В общем, всё шло, как обычно, по отработанной со времен голодной юности схеме. За каждого приведенного покупателя Мэй получала по таксе, с каждой сделанной покупки – процент, и всё, что останется после «аттракциона» с туристами, за вычетом мзды местным и милиции, ее чистая прибыль. Выходило неплохо для четвертого ребенка в семье. К своим сорока годам Мэй скопила достаточно, чтоб вернуться к своим родным в деревню и жить там с шиком по местным меркам. Утереть нос тем, кто прямо говорил ей, что удел бастарда – хижина у края рисового поля. Но вообще ей нравилось водить туристов по горам. Шагая по горным тропам и суровым межгорным долинам, Мэй наслаждалась общением с вечностью и временами верила, что вся та фантазмагория про серьги богинь, цепь перерождений, драконов, демонов, героев и святых, которую она придумывала для туристов, могла оказаться правдой. И чем невероятнее или абсурднее, глупее, смешнее выдумывала Мэй истории и ритуалы, тем охотнее в них верили и участвовали ее клиенты.

Вот и сейчас она объявила мерзнувшим и голодным иностранцам, что нынешний ночной привал – последний. Завтра они будут на месте, а потому надо достать заранее купленный шелк, соорудить из него каждому по знамени и написать там имя Будды три, шесть или девять раз – кто сколько языков знает.

– А когда будем спускаться к волшебному озеру, под крупные камни нужно класть что-то дорогое для вас, – вещала она. Туристы внимали с горящими глазами, – можно, конечно, просто монетки, но это – в крайнем случае!

Члены экспедиции бросились исполнять требования. Чудеса изобретательности проявили, надо сказать! В горах, где полно камней для ритуальных пирамид, с деревом – напряженная ситуация. Потому древко для знамени алчущие экзотерики делали из чего могли найти.

– Путь к знаниям тернист и благословения не даются просто, – вещала Мэй, – лишь избранные, чей разум открыт и гибок, достигнут искомого. Пусть не смущают вас условности – будьте настойчивы, – И наблюдала, как туристы, чертыхаясь потихоньку, мастерили свои знамена жадности. Разумеется, кто-то обязательно ударял себя по пальцу камнем или протыкал ногу лыжной палкой или резался перочинным ножиком, зажатым в кривых замерших пальцах ... В этот раз увечилась всё та же грамотейка-экзотеричка. Подвернула ногу, свалившись, когда, сидя на корточках, карябала «Будда» карандашом для подводки глаз. Помаду и тональный крем она уже использовала в первых двух абзацах. И вот сейчас она сидела и мычала от боли. Слезы наворачивались: все четверо оставшихся здоровыми кудахтали вокруг, не зная, что делать.

– Аааа, как же я пойду?! Мммм, что же делать?! Уууу, надо вызвать врача!!! Оооо, я же почти дошла, – причитала больная.

Мэй и такое видела много раз. Сейчас она просто подошла к завывавшей, посмотрела ей в глаза и сложила руки лодочкой, как для молитвы. Затем женщина положил руки на больную ногу пострадавшей. Та затихла.

– Ошшшш, – произнесла женщина.

– Надо доктора, надо позвонить, надо что-то делать, – дышали ей в спину остальные из группы. Она остановила советчиков жестом.

– Омммм, – пропела и резко дернула тетку за ногу. Та взвизгнула и затихла, удивленная.
– Осссс, – спокойно сказали ей в лицо Мэй. Встала и прошла на своё место, к запасам продовольствия. – И вытрите слезы, а то обморозите кожу. Ее лечить придется дольше.

– Как ты, дорогая? – уже спрашивали экзотеричку, а та хлопала еще мокрыми глазами в изумлении: нога не болела совсем. Авторитет проводницы Мэй достиг высот Тибета. А ей это ничего не стоило: умирять боль получалось само собой, с детства. И перевязанные ею раны заживали легче и быстрее. Со временем и такое своё умение Мэй научилась эффективно подавать. Так она и смогла выжить и выбраться из призрачной хижины у края рисового поля. «Мэй могла бы стать врачом, не будь она четвертым ребенком», – говорили её умершей уже матери. За те сорок лет, что Мэй прожила на свете, она слышала такое сотни раз. И тысячи раз хотела, чтоб этого не говорили.

Она уже решила, что на сегодня представления для туристов закончились и можно просто отдохнуть, как еще один пробил палец и уже сам подошел к Мэй. «Заговори боль!» – потребовал высокий мужчина. Мэй улыбнулась и взяла его за руку. Держать крепкую коленую мужскую ладонь было приятно. Такую большую и сильную, какая должна была бы быть у отца. Его она никогда не видела, но хотела бы, чтоб он имел именно такие руки. Можно даже без шрама на тыльной стороне запястья, выглядывающего из рукава туриста. Не рассмотришь толком, что там. Да и не важно.

– Шамбала, – сказала Мэй и подула на руку. Мужчина удовлетворенно хмыкнул и отошел. Боль прошла, кровь остановилась. Все они такие, эти мужчины: уходят, получив то, что хотели.

Говорят, что человек предчувствует, приближение важных перемен. Мэй не чувствовала. Спала крепко, спокойно, как всегда спала в горах на этом маршруте. Что могло произойти?! Туристы обработаны морально, ждут встречи с чудесным таинственным озером, материально – тоже: монетки под камнями – откат местным аборигенам во главе с народным милиционером Су Лей. Всё, как договаривались, много лет уже.

И вот, когда холодная ночь в горах миновала, а солнечные лучи осветили сияющие вершины гор вечного Тибета (так высокопарно думала Мэй, чтоб настроиться на будущую роль), пришло время выступать в последний переход к месту древней силы. Мэй надела сегодня два комплекта термобелья – здоровье не купишь, а шоу должно продолжаться.

Звонкий удар в бронзовый молитвенный колокольчик разбудил страждущих истины. На кристально чистый утренний воздух они выползали из своих палаток помятые и явно не выспавшиеся. Но на фоне искрящихся снежных вершин и бурых скал, среди раскиданных в небрежности походных вещей и косоватых палаток незавтракавших путешественников ожидала прекрасная женщина в красном шелковом наряде. Ветер трепал края ее одежд и волосы. Она словно сошла с небес, как заря, или как фея из кино. Сон с туристов сдуло моментально, разумеется.

– Торопитесь, путники, у нас есть полчаса на сборы, ибо к полудню мы должны быть на месте, – сказала фея Мэй с улыбкой вечно загадочного Востока (многолетние тренировки перед зеркалом). – Поднимайте свои знамена и следуйте за мной. Да будут духи милостивы к нам. А вы соблюдайте тишину и не пыхтите сильно.

И с этими словами Мэй удалилась к краю лагеря, сложив руки на груди, как на буддистских иконах. Отвернувшись от всех, она поскорее сунула озябшие пальцы в рукава, чтоб не отмерзли.

Туристы собрались меньше чем за полчаса. И еще около получаса процессия поднималась в гору. Наверняка это было живописно: прекрасная женщина-фея в развивающихся красных шелках шла впереди навьюченных тюками как мулы человек в пуховиках. Каждый, к тому же, еще и корявенькое знамя приторочил к своей поклаже.

Тропа между камней хоть и изгибалась, как змея, но шли бодро. Мэй не хотела портить свой новый наряд, потому не гоняла туристов по кручам. Полчаса петляния по склону вверх и проводница замерла. Остановились и путники.

– Мы пришли, – заявила она. – Поднимите знамена выше и приготовьте ваши дары духам перехода! Мы вступаем на берега тайного озера.

Для пущей важности Мэй встала с подветренной стороны и шелк широких рукавов теперь трепетал в сторону туристов, как крылья в ожидании полета.

– Я могла бы привести вас по хорошей дороге к одному из четырех священных соленых озер Тибета. Вы могли бы привязать свои флажки с желаниями к гирляндам из тысяч таких же. Вы могли бы пойти со мной к монастырю, где мужское и женское исчезает и где ламой была женщина. Я могла бы привести вас к небесному озеру, где можно увидеть себя в цепи перерождений: прошлых и будущих, как делали сотни до вас. Но вы выбрали лучший путь, путь избранных. Он не открывается всем и только один раз в двенадцать лет происходит чудо, к которому вы прикоснетесь сегодня!

Речь явно удалась: ни одного скупающего или циничного взгляда. Мэй продолжала, вдохновленная:

– Ни наука, в которую так верят люди Запада, ни магия, в которой сведущи люди Востока, не могут объяснить того, к чему вы прикоснетесь сегодня. Как Инь и Янь всегда вместе, борются и проникают друг в друга, так и в чудесном озере есть соленая и сладкая вода. Каждый цикл китайского гороскопа озеро возрождает себя, меняя воду из соли в сладость, из сладости в соль. Сегодня такой день и только вам пятерым предстоит окунуться в воды озера Друтсо и благодать сойдет на вас, а тела излечатся от любой хвори на двенадцать лет. Тление не коснется ничего из того, что сегодня окажется в водах озера, будь то кусок ткани или тело человека. Поднимите знамена, приготовьте дары! Я, принцесса Мэй из династии Кай, веду вас в свои заповедные владения.

И Мэй пошла вперед. Все двинулись за ней. Мэй перешагнула вершину и стала спускаться вниз, а глазам изумленных туристов предстало почти круглое голубое озеро с белесыми, словно седыми, но такими же круглыми островами.

– Озеро Друтсо, я читал о нем в интернете! – услышала женщина за спиной. – Ты – шарлатанка! Здесь нет никакой силы, оно даже священным у буддистов не считается!

И в спину Мэй ударил камень.

– Обманщица! Тянула из нас деньги всю дорогу! Да я тебя лично утоплю в этом твоём дурацком озере! – взвизгнула одна из женщин, и второй камень упал у ног проводницы – не попал в цель. «Принцесса» мысленно приготовилась к граду камней, сжалась и помчалась вниз, к озеру, едва не путаясь в развивающихся полах одежд. Такого поворота событий она, разумеется, не ожидала. Однако на берегу ей могло повезти больше, чем здесь. Перспектива быть забитой камнями радовала меньше, чем потеря части вырученных денег.

А разозленные уставшие обманутые туристы побросали свои дурацкие знамена и гнались за Мэй с визгом и руганью. Трое крупных брюзжащих мужчин и две женщины: коститстая и жирная, оказываются вдруг удивительно проворными, если их разозлить и предварительно неделю водить по горам, навьюченными как мулы. Без поклажи они не мулы, а арабские скакуны просто! Маленькая худосочная Мэй, пусть и была в хорошей форме, но уже молодой ланью по горам скакать не могла, сказки всё это про долгожителей Китая! Расстояние между ней и преследователями сокращалось быстрее, чем она хотела бы. Мешало кимоно и волосы лезли в глаза, то и дело Мэй рисковала оступиться и свалиться прямо под ноги разозленным туристам. Она уже спиной чувствовала, что ее вот-вот схватят за распущенные волосы и поволокут по острым камням или будут бить ногами, как в детстве.

– Нет, стойте, – закричала «принцесса», как только очутилась на более ровной поверхности. Маленькие ноги Мэй тонули почти по щиколотку в рыхлом гравии, смешанном с солью, убежать стало еще тяжелее. – Вам еще понадобится моя помощь!

Но, как обычно, слова до разгневанных людей доходили не сразу: Мэй продолжала движение, на всякий случай. И первый догнавший ее, точнее, догнавшая ухватила женщину за волосы и дернула вниз, начала таскать, вырывая целые пряди. Мэй зашипела от боли, но двинуться дальше не смогла. Пришлось взывать к разуму и милосердию коленопреклоненной.

– Вы не сможете выбраться отсюда без моей помощи, здесь не работают мобильные телефоны, заблудитесь и замерзнете без проводника, – кричала она, преодолевая боль. – Озеро Друтсо считается волшебным у местных жителей. Это правда. И я верну вам деньги по возвращении в Шанхай!

Она кричала что-то еще, по ходу стараясь сыграть и на страхе, и на жадности, и на разуме, и на честности, на чем угодно.

– Да хватит, Сара,пусти ее! – остановил костлявую женщину ее супруг, – китаянка права: мы не знаем дороги обратно, а ядохнуть тут из-за этой узкоглазой с...и не собираюсь.

– Пусть выводит нас и деньги возвращает, и тогда мы не донесем на нее властям, – Сара пунула Мэй, перед тем, как отпустить. Та скорчилась от боли.

Тут добежали и остальные пострадавшие туристы. Но их пыл остужали уже земляки. Пока еще трое ковыляли, проваливаясь в береговой полосе, Мэй оглядывалась.

– Нет, не надо звать полицию, у официального Китая очень натянутые отношения с Тибетом, вы же знаете..., – лепетала она. Но иностранцы заметили ее движения.

– Что, еще какие-то сюрпризы? А? – теперь пинок достался женщине от экзотерички.

– Вам доставляет удовольствие пинать поверженную, которая не может ответить? – скорее уж для мужчин дерзко спросила Мэй, облизав кровь с разбитой губы.

– ЧтоОООО???? – тетка задохнулась от наглости и занесла руку для удара, но Мэй перехватила ее. Она уже собралась с силами и готовилась дать сдачи. Ее успокоило то, что она увидела.

Разозленная толстуха не унималась и не миновать бы китаянке еще пары царапин, но выстрел прогремел в долине. Резанул тишину, многократно усиленный эхом.

По сыпучему зыбкому берегу с необыкновенной для простых людей скоростью к незадачливой экспедиции бежали четверо вооруженных людей в форме. К подошвам их обуви были привязаны широкие пластины, державшие их на зыбкой почве.

– Не надо звать китайскую полицию, она уже здесь, – не смогла удержаться Мэй. И пусть стражи порядка не были такими уж великанами, но оружие в их руках смотрелось очень убедительно. Су Лей и его люди появились очень вовремя!

– Лейтенант Су Лей, зачем вы так долго? Они меня чуть не забили! – закричала Мэй по-китайски. Но лейтенант не отозвался.

– Всем оставаться на своих местах, – закричал один из милиционеров. Остальные вскинули ружья, и Мэй с ужасом осознала, что не узнает ни одного из них. Во истину, сегодня всё шло не по плану! – Поднимите руки и не двигайтесь! Вы находитесь на территории провинции незаконно!

Туристы нехотя подчинились, и без переводчика было ясно, что требуют люди с оружием. Не стали спорить под прицелом.

Один из стволов уперся и в грудь Мэй к ее вящему удивлению.

– Гражданин Су Лей вчера отстранен от должности и находится под следствием за многолетнее злоупотребление служебным положением, – это молодой офицер, старший по званию, объяснил китаянке. И его каменный взгляд не предвещал ничего хорошего. – Вы, гражданка Мэй, тоже задержаны как свидетель. Переведите иностранцам, что они будут задержаны до выяснения обстоятельств и выдворены за пределы заповедника.

– Мы все арестованы за незаконное пребывание в этом месте, – перевела Мэй. Призрачная надежда договориться с новым начальником еще оставалась, к тому же очень хотелось поквитаться за пощечину и пинок. Потому «принцесса» добавила для вящей убедительности: – Теперь узкоглазая с...ка вам больше не нужна, чтоб выбраться: вас выведут отсюда с комфортом и эскортом прямо в китайскую тюрьму. С просветлением вас!

Мечь мелкая, но приятная. Дальше Мэй хотела улучшить момент и предложить договориться о сотрудничестве с новым стражем закона. Всё лучше, чем идти за решетку. Но кто-то на небесах решительно расстраивал все ее планы сегодня.

Толстая дама-экзотеричка схватила китайку за волосы и с неожиданно большой силой швырнула в сторону озера. Эта рохля и туповатая истеричка так злобно при том сверкнула на Мэй глазами, что страшно:

– Утоплю тебя, тупая полукровка!

– Это слишком соленое озеро, в нем нельзя утонуть!

Это мужчина со шрамом на запястье, Мэй не запомнила имена клиентов – не видела смысла, – подскочил и ухватил беснующуюся тетку за руку, преграждая путь. И дальше завязалась драка в лучших традициях фильмов о кунг-фу.

– Зато утопить можно! – напор ударов и выпадов был подобен граду с небес, но защита – словно северный ветер.

– Беги к озеру! В воду! – крикнул спаситель «принцессе». Та не сразу сообразила. Зато полицейские очнулись и зацокали затворами винтовок. – Да беги же! И ныряй! Как можно глубже! – уклоняясь от ударов, снова закричал мужчина. И только сейчас Мэй сообразила, что кричит он по-китайски, а стражи порядка уже двинулись на перерез ей, чтоб не дать добежать до воды.

– Зачем нырять? Я плавать не умею! – не поняла Мэй. Новоявленный защитник только что отразил серию ударов и не настроен был объяснять. Он просто схватил женщину за запястье и поволок в воду.

– Не важно! Эта магия у тебя в крови!

Пол сотни метров до воды по рыхлому берегу – не мало, если вас хотят еще и пристрелить, а не только побить ногами. И снова выручило умение Мэй говорить убедительно:

– Не стреляйте в горах! Сойдет лавина и похоронит всех! – завизжала она и молодой сержант и его подчиненные поверили. А это лишние десять секунд до возможного выстрела в спину. Это добрые пять метров до спасительной воды. Это возможность услышать:

– Я – от Ордена Равновесия, твоя бабка по отцу ищет тебя. Ныряй же в воду, я всех задержу!

И это возможность увидеть, как только что найденный защитник с крепкими и сильными руками падает, сбитый с ног, толстозадой теткой. В прыжке та угодила ему в грудь, и он попятился, свалился, не устоял.

– Девка – моя, во имя Хаоса и моей госпожи, – шипела как змея толстуха, раздавая удары ногами, – я не дам ей спастись! Её кровь нужна моей Кали, – шипела тоже, кстати, на китайском.

Других аргументов о пользе ныряния в ледяную соленую воду для Мэй не понадобилось. Боковым зрением женщину увидела, как злодейка что-то красное и сверкающее с размаху бросила в озеро.

– Бомба! – завизжали остальные туристы, – Стойте!

Последнее, что услышала Мэй в этом мире: выстрелы из полицейских винтовок и всплеск от падения двух тел – своего и человека из Ордена Равновесия. Открыла глаза она совсем на другом берегу...

Глава третья

...«Тут на школьном автобусе всего-то пара часов езды, а когда-то казалось, что это другой край вселенной», – Кайно выехал из Иерусалима на маленьком открытом полувоенном джипе, взятом напрокат. Восемьдесят километров до Мертвого моря можно было бы выжать за час, но не хотелось. Он давно не был в этих местах. Хотя как давно? По людским меркам – давно, а так он регулярно штурмовал крепость Мириам по приказу Кали.

Каждый век придумывалось что-то новое: банды бедуинов, восточные войны римлян, крестовый поход и заблудившиеся рыцари, искатели сокровищ и археологи, поход Наполеона в Египет и пропавшие полки, заморские предприниматели и африканский танковый корпус большого диктатора, корпорации, мелиорации, война за территорию и образование нового государства, террористы и туристы. Малая родина Кайно переходила из одной провинции в другую, менялись государи и государства, берега моря делили то одни, то другие страны. Море тоже меняло имена: Асфальтовое, Восточное, Соленое, Степное, Содомское, Море Лота, Мертвое, наконец. Вырастали и угасали города, строились и разрушались крепости, совершались подвиги тела, духа, разума и веры.

Иногда начатое дело, затеянное, по сути, только ради боя в закрытой ложбине, обрастало подробностями и последствиями как снежный ком, погребая причину под собой подобно лавине. Кто вспомнит, какой именно камень стронул селевой поток в горах? Конечно, никто. На последствия в мире людей, на их политические игры и Кайно, и Кали было плевать.

«Но только один раз, самый первый раз Кали отдавала мне приказ лично», – вспоминал Кайно по дороге. Разговор происходил тогда на лодке Кали. Древний Нил медленно нес деревянное судно вниз по течению, заросли тростника по берегам казались мирным и шелестели как листья пальм в материнском оазисе. Кали перебирала черными унизанными золотом пальцами засахаренные зерна лотоса на плоском узорном блюде, а потом взялась пощипывать виноград из чаши с фруктами. Сейчас перед глазами лежал асфальт, да такой ровный, движение по шоссе такое спокойное, а водители такие воспитанные, что вести было даже скучно. Завернутый в белый шелк меч лежал рядом на пассажирском сиденье и чувствовалось, как набухает он силой, ожидая битвы.

– Ты просишь о невозможном, – поразился тогда Кейно. – Я не могу сражаться со своей матерью! Она дала мне жизнь!

– Это я дала тебе жизнь! – грозно сверкнула очами Кали. Ее голос сейчас звенел как сталь в бою. – Она тебя всего лишь родила! Или твоё скучнейшее существование на козьем сыре и финиках – это жизнь?! Кем ты был при ней?! Кем мог бы быть?! Привратник, раб у двери в сад всемогущества! Ты, с твоей кровью магов иных миров, наследник знаний исчезнувших атлантов, человек и не человек одновременно, сидел у пальмы и развлекал себя бряцаньем коровьей трещотки! Это я дала тебе жизнь, я вывела к вершинам наслаждений и ступеням могущества! Я дам еще больше знаний, сил, свободы, власти и удовольствия! А она хотела сбежать от ненавистного дела, бросив тебя, прикрывшись тобой!

«Голубая» кровь в тот момент прилила к голове юноши. Стыд и злость разгорячили ее не меньше, чем травы в золотой курительнице.

– И я не прошу, – нет, Кали не кричала, но страшно становилось от ее слов и низкого, рокочущего как дальняя гроза, голоса, – я даю тебе право выбора, которого не давала мать. Хочешь быть моим – докажи и примешь знак Великого Хаоса. Нет – возвращайся к овцам, верблюдам и финикам с пальмы. Забудь про фрукты с этого стола!

Кали схватила крупный апельсин из золоченой вазы и с силой швырнула его в прибрежные заросли. Лязг челюстей вместо тихого всплеска был ответом. Крокодил с жадностью заглотил случайную добычу.

Мог ли тогда он, мальчишка из пальмовой рощи, обласканный и упоенный не только молоком и медом, отказаться от госпожи, прекрасной как черная туча с дождем?! И она в ответ вручила ему «Звезду миражей», со словами:

– Мужчина без меча – не мужчина, а мальчик. Особенному мужчине – особый меч. Иди и не проси ничего, всё покорится тебе, твоему мечу и магии. Сила Хаоса есть свобода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.